
ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Во время переговоров. Фото В. Мастюкова (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2328)

12 ФЕВРАЛЯ 1972

Первый чемпион XI Белой олимпиады, лыжный гонщик Вячеслав Веденин. (Читайте в номере репортаж из Саппоро «Меню» Веденина, стр. 28—29.)

ДРУЖБА КРЕПНЕТ

Со 2 по 4 февраля 1972 года в Советском Союзе с дружественным визитом находился Президент Арабской Республики Египет, председатель Арабского социалистического союза Анвар Садат.

Во время пребывания А. Садата в Советском Союзе состоялись переговоры и беседы с Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным. В переговорах принимали участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза А. А. Гречко, посол СССР в Египте В. М. Виноградов, член коллегии МИД СССР М. Д. Сытенко; с египетской стороны — советник Президента по вопросам национальной безопасности Хафез Исмаил, министр иностранных дел Мурад Галеб, посол Египта в СССР Яхья Абдель Кадер.

Во время переговоров, проходивших в обстановке доверия, полного взаимопонимания и дружбы, были рассмотрены вопросы двусторонних отношений между Советским Союзом и Египтом, а также состоялся обмен мнениями по актуальным международным проблемам.

Особое внимание было уделено рассмотрению положения на Ближнем Востоке. Стороны решительно осудили проводимую Израилем при поддержке США агрессивную, экспансионистскую политику.

Советская сторона высоко оценила твердую позицию Египта перед лицом провокаций империализма и сионизма и отметила, что эта позиция пользуется поддержкой всех миролюбивых государств и народов.

Президент Анвар Садат от своего имени, от имени народа Арабской Республики Египет и Арабского социалистического союза передал Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу приглашение посетить Арабскую Республику Египет с официальным визитом. Приглашение с благодарностью принято. Дата визита будет определена позднее.

4 февраля Президент Арабской Республики Египет, председатель Арабского социалистического союза Анвар Садат отбыл из Москвы.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами АРЕ и СССР, Президента Анвара Садата и сопровождающих его лиц провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и другие официальные лица.

Проводы на Внуковском аэродроме. Фото А. Устинова.

ПРОИСКИ АГРЕССОРОВ ОБРЕЧЕНЫ НА ПРОВАЛ

Владимир НИКОЛАЕВ

Весной 1970 года тогдашний вице-президент республики Анвар Садат принял нас, группу корреспондентов «Огонька», в своей резиденции. Он образно и сердечно говорил о дружбе наших двух стран, о той братской и бескорыстной помощи, которую оказывает борющемуся Египту советский народ. «Несмотря на трудное положение,— говорил он,— у нас нет пессимизма. Силы наши зреют. Мы верим в победу. Мы верим в победу еще и потому, что ощущаем в Советском Союзе верного друга. Сейчас наши люди увидели и убедились, кто наши истинные друзья и кто наши враги». Анвар Садат добавил, что в борьбе против израильской агрессии армия и народ страны стали едины и полны решимости отстаивать до конца свое право строить новую жизнь.

Встреча с Анваром Садатом снова вспомнилась мне, когда я читал сообщения о дружественном визите в нашу страну Президента Арабской Республики Египет Анвара Садата. Сегодня сказанные им тогда слова звучат с особой силой.

Истоки этой силы — в нерушимой дружбе народов СССР и АРЕ. Эта дружба вновь и вновь подтверждена итогами завершившегося визита Анвара Садата в нашу страну. Во время пребывания А. Садата в Советском Союзе состоялись переговоры и беседы с Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным. В совместном советско-египетском коммюнике отмечается, что этот визит явился новым важным шагом в расширении дружественных контактов между советскими и египетскими руководителями. В коммюнике подчеркивается, что переговоры и беседы, состоявшиеся во время этого визита, будут содействовать дальнейшему развитию традиционной дружбы между нашими странами.

Участвовавшие в переговорах стороны вновь подтвердили свою решимость бороться и дальше за справедливое урегулирование положения на Ближнем Востоке на основе выполнения всех положений резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года и в первую очередь вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий. На это справедливое требование израильские экстремисты отвечают тем, что продолжают упорно цепляться за свой агрессивный курс. Так, премьер Израиля Г. Меир недавно заявила, что Израиль никогда не вернется на границы 5 июня 1967 года, что границы с Египтом, Иорданией и Сирией «должны быть изменены в пользу Израиля». Что же скрывается за столь наглой агрессивностью?

Уже давно не секрет, что за спиной израильских агрессоров стоит американский империализм. На днях стало известно о новой американской акции в поддержку израильских ястребов: Соединенные Штаты согласились продать Израилю сорок два истребителя — бомбардировщика «Фантом» и девяносто истребителей — бомбардировщиков типа «Скайхок А-4».

Итак, по стародавней традиции американского империализма США снова пытаются подлить масла в огонь. Даже буржуазная печать не может скрыть того явного факта, что Соединенные Штаты, как бы они ни лавировали на дипломатической арене, поощряют агрессора. Так, вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» У. Бичер, говоря о новой подачке Соединенных Штатов Израилю, отмечает, что, идя на этот шаг, США больше не могут представлять себя незаинтересованной стороной.

То, что американскому журналисту стало ясно сегодня, давно уже известно всем здравомыслящим людям. Американский империализм стоял и продолжает стоять за спиной израильских агрессоров, он вдохновляет, финансирует и вооружает их. Эта провокационная американская политика полностью разоблачена в совместном советско-египетском коммюнике. В нем, в частности, говорится, что стороны решительно осудили проводимую Израилем при поддержке США агрессивную, экспансионистскую политику.

Нет, проискам американского империализма на Ближнем Востоке не суждено сбыться! Залог тому — крепнущая день ото дня советско-египетская дружба. Находясь в Москве, Президент А. Садат от имени правительства и народа Арабской Республики Египет выразил сердечную благодарность и признательность Советскому Союзу за активную и последовательную помощь и постоянную поддержку Египта в его справедливой борьбе против империалистической израильской агрессии.

Да, наша искренняя всесторонняя помощь направлена прежде всего на то, чтобы египетский народ мог беспрепятственно идти по избранному им пути строительства новой жизни. Асуанская ГЭС, Хелуанский металлургический комбинат, тысячи гектаров орошенной пустыни — вот живые символы советско-египетской дружбы и нашей помощи республике.

Израильским агрессорам и их заокеанским покровителям не следует забывать и те строки совместного советско-египетского коммюнике, в которых говорится о том, что стороны вновь рассмотрели меры в области дальнейшего укрепления обороноспособности АРЕ и наметили ряд конкретных шагов в этом направлении. Не играйте с огнем, господа из Тель-Авива!

Советский Союз и все миролюбивые государства мира поддерживают усилия АРЕ, направленные на освобождение оккупированных Израилем арабских территорий, на справедливое урегулирование конфликта.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПЕРЕД СУДОМ НАРОДОВ

11 февраля в Версале соберется Всемирная ассамблея за мир и независимость народов Индокитая.

Корреспондент «Огонька» беседует с членами делегации ДРВ.

Фотографии из Вьетнама. Всего несколько кадров из длинной летописи преступлений американского империализма в Индокитае. Они в руках Ле Зуи Вана и Май Лама — моих собеседников. Оба — члены делегации представителей общественности ДРВ, которая остановилась в Москве по пути в Париж, на Всемирную ассамблею за мир и независимость народов Индокитая.

— Само название такой встречи представителей мировой общественности подчеркивает важность и масштабы этого события,— говорит секретарь Комитета защиты мира ДРВ товарищ Ле Зуи Ван.— Мы придаем Ассамблее большое значение. Ведь в ее работе будут участвовать делегаты из многих государств (в день нашей беседы о своем участии уже заявили 75 стран). Это — подлинное проявление солидарности народов всего земного шара с народами Индокитая, борющимися за свою свободу и независимость. С трибуны Ассамблеи мы расскажем всему миру правду о том, что сейчас происходит в Индокитае, мы изложим свои взгляды, позиции ДРВ и разоблачим обманные маневры США. Народы мира должны увидеть воочию, какие страшные преступления творят агрессоры на земле Индокитая.

Мы везем с собой в Париж документальные кинофильмы, где запечатлены недавние вар-

РЕПОРТАЖ ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ ЛОНГ КЕШ

Представители общественности США провели в Нью-Йорке, у здания английского консульства, демонстрацию протеста против кровавого террора, чинимого британскими властями в Ольстере. Полиция разогнала демонстрацию и произвела аресты среди ее участников.

Телефото ТАСС.

варские бомбардировки нашей республики. Кинокадры сохранили свидетельства о том, какие мощные средства истребления используют правящие круги Америки в войне на уничтожение, которую они целенаправленно ведут в этом районе мира.

— Вашингтон без конца разглагольствует о миролюбии, а на деле продолжает свое черное дело,— рассказывает член комиссии по расследованию преступлений американского империализма в Индокитае товарищ Май Лам.— «Мы выводим свои войска из Вьетнама»,— твердит американская пропаганда, умалчивая о том, что усиленно наращивается огневая мощь частей США и марионеточных войск.

Да, эти цифры теперь известны всему миру: с 1965 по 1971 год на Индокитай было обрушено 6 миллионов 200 тысяч тонн бомб. Львиная доля приходится на последние три года. Война продолжается, и в последнее время в ней все большая роль отводится авиации. Об этом свидетельствуют недавние бомбардировки ДРВ, жертвы которых вы видите на этих снимках.

— 26 декабря минувшего года американские летчики бомбили госпиталь в провинции Тханьхоа. Вот на уцелевшей табличке можно прочесть слова «Отделение тропической медицины». 10 убитых, 10 раненых,— продолжают мои собеседники.— Еще один снимок. Девушка пострадала от взрыва осколочной бомбы, это новый вид оружия, предназначенного для борьбы с танками, но его, как видите, испытали на людях... Вот истинная цена «миролюбия» агрессора!

— В последнее время,— продолжает товарищ Май Лам,— во Вьетнаме американцы использовали бомбы «Би-эл-Ю82», которые по мощности взрыва уступают лишь атомным.

Продолжается химическая война. Ее ведут также марионеточные войска, используя американские вертолеты и другую технику. Идут в ход наиболее токсичные ядохимикаты, например, гербицид «245 Т», который вызывает сильнейшие отравления.

Список этих преступлений можно продолжать без конца. И они должны быть известны всему миру. Тем суровее и справедливее будет приговор, который вынесут агрессору все честные люди планеты.

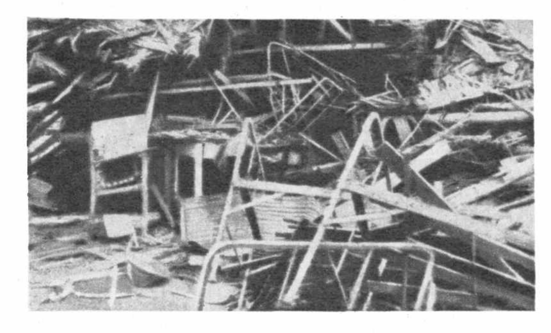
Заключая беседу, вьетнамские друзья просили через «Огонек» передать всем советским людям признательность и благодарность вьетнамского народа за всестороннюю поддержку его справедливой борьбы.

Н. КРЫЛОВА

Спина этой 18-летней девушки изрешечена стальными осколками бомбы.

Бомбами американской авиации разрушены десятки школ, больниц, жилых домов. Это был госпиталь.

Недавно стали известны новые, тщательно скрываемые Пентагоном подробности кровавой расправы, учиненной военщиной США над мирными жителями деревни Микхе южновьетнамской общины Сонгми. Перед вами — чудом уцелевшие жители Микхе.

Фото ТАСС.

Автор этих строк — член Исполкома Компартии Ирландии Ян Кэмпбелл — был арестован английскими силами безопасности летом 1971 года в Ольстере по сфабрикованному обвинению в «подрывной деятельности». Однако, не сумев доказать его вину, британские оккупационные власти вынуждены были отпустить Кэмпбелла на свободу. Ниже мы перепечатываем с некоторыми сокращениями его воспоминания о времени, проведенном в ольстерских застенках, которые были опубликованы недавно в газете «Морнинг стар».

...Прошла уже целая неделя с тех пор, как меня выпустили из концлагеря Лонг Кеш, но привыкнуть к нормальной жизни после долгих месяцев, проведенных за колючей проволокой, мне все еще трудно...

...Меня перевели туда из битком набитой тюрьмы на Крамлин-роуд. Как только число заключенных в ней превышало норму, всех «лишних» немедленно отсылали в лагеря.

Когда я прибыл в Лонг Кеш, в нем было всего два участка, огороженных колючей проволокой. К концу моего заключения их стало пять. Мы жили в двух бараках: большом — на 36 человек, и маленьком — на 16 человек. Однако впоследствии число заключенных во втором бараке было доведено до 20. Весь лагерь окружает забор из гофрированных алюминиевых листов, отделяющих тюремные участки друг от друга. После того, как у нас побывали представители Красного Креста, которые были буквально потрясены увиденным, для нас соорудили нечто вроде душа и сушилки. Но если бы вам понадобилось что-нибудь высушить в ней, на это ушла бы добрая неделя.

Лагерь Лонг Кеш расположен на территории бывшего аэродрома, точнее, на его перекопанной взлетной полосе, покрытой огромными лужами. Утром всех поднимали на уборку. Одни мыли полы, другие подметали участок... Затем, если нет дождя, прогулка на «пятачке» в сотню квадратных метров. Пространство между бараками заливала густая, липкая грязь, представляющая собой самое настоящее болото... Около 12 — обед... Еда готовилась отвратительно и всегда была холодной.

Если в нашем маленьком бараке было довольно скученно, то в большом царил настоящий хаос. Люди спали вповалку... Хуже всего обстояло с посещениями близких и родственников, которым приходилось по многу часов ждать разрешения на 30-минутное свидание один раз в неделю, и многие из них, проделав длинный путь до лагеря — иногда более ста миль,— должны были вернуться обратно, никого не повидав...

САН-ХОСЕ — ГНЕЗДО МРАКОБЕСОВ

Эдуард БАСКАКОВ

В монографиях по истории штата Калифорния описываются по крайней мере 34 «суда линча». Последний из них был учинен расистами в 1933 году в Сан-Хосе — главном городе графства Санта-Клара, том самом, где сейчас готовят судебную расправу над Анджелой Дэвис...

Не только адвокаты Анджелы Дэвис, но и вся прогрессивная Америка требует перенесения процесса в Сан-Франциско или Лос-Анджелес, где могли бы быть созданы минимальные условия для сколько-нибудь объективного судебного разбирательства по «делу» мужественной американской коммунистки.

Почему именно Сан-Хосе? — недоумевали поначалу некоторые американские газеты. Сегодня этот вопрос начисто отпал. Сегодня уже нет никаких сомнений в том, что выбор Сан-Хосе в качестве места суда над Анджелой Дэвис — это продуманный выбор, сделанный калифорнийскими ультра, которые пытаются предрешить исход позорного судебного процесса еще до начала суда.

Представители прокуратуры, не стесняясь, признают в беседах, что в Сан-Хосе — городе с мрачными расистскими традициями — у обвинения имеются наибольшие шансы добиться обвинительного приговора коммунистке и активной участнице борьбы за гражданские права негров. Ведь 12 членов жюри, которым предстоит в конечном итоге вынести решение по «делу» Анджелы Дэвис, должны быть избраны по жребию из числа жителей графства Санта-Клара. С этой точки зрения Сан-Хосе — идеальное место для организаторов расправы над патриоткой, арестованной по заведомо сфабрикованным обвинениям.

Начать с того, что негры составляют в графстве Санта-Клара не более двух процентов всего населения. А это означает, что представители негритянского народа, борьбе за интересы которого посвятила свою жизнь Анджела Дэвис, будут фактически лишены возможности сказать на суде свое веское слово в защиту коммунистки.

Зато в составе жюри вполне могут оказаться и члены весьма активного в Сан-Хосе фашистского общества Джона Бэрча, и представители действующего в подполье ку-клукс-клана, и даже, наконец, участники «суда линча» 1933 года...

Очевидным «резервом» обвинения является и то, что весьма значительная часть населения графства находится во власти местных промышленных боссов, представляющих такие крупные финансовые корпорации, как «Макдональд» и «Форд моторс». Уж они-то, боссы, конечно же, не преминут оказать «соответствующее влияние» на своих сотрудников, попавших в состав жюри.

Готовя судебную расправу над Анджелой Дэвис, калифорнийская реакция уже продемонстрировала свой звериный оскал на практике. 31 января, когда суд в Сан-Хосе возобновил рассмотрение требования защиты о перенесении процесса в Сан-Франциско, активисты движения за освобождение Анджелы Дэвис организовали неподалеку от судебного здания демонстрацию протеста против предстоящего судилища. Восемнадцать участников этого протеста — в том числе сестра Анджелы, Ф. Джордан,— арестованы... Калифорнийская Фемида явно продолжает традиции линча.

Нью-Йорк, по телефону.

В то время когда над Анджелой Дэвис готовится расправа, ее сестра Ф. Джордан арестовывается полицией за участие в демонстрации, требующей освобождения мужественной американской коммунистки.

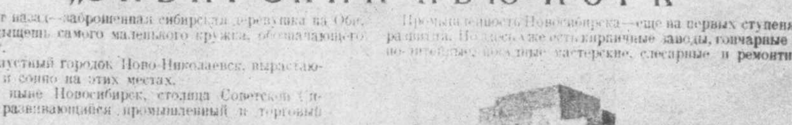
Фото ЮПИ.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

НОВОСИБИРСК ПЛЮС НОВОСИБИРСК...

„СИБИРСКИЙ НЬЮ-ЙОРК"

П. Парфенов.

...ридцать лет назад — заброшенная сибирская деревушка на Оби. ...карте не сыщешь самого маленького кружка, обозначающего деревушку.

...атем — захолустный городок Ново-Николаевск, вырастаю... медленно и сонно на этих местах.

..., наконец, ныне Новосибирск, столица Советской Си..., быстро развивающийся промышленный и торговый ...тр.

...акой рост города, исчисляющийся всего несколькими де...летиями, невольно наводит на сравнение с необычайно ...трым развитием Нью-Йорка.

...Новосибирске обращают на себя внимание вновые со...евные постройки, многие из которых еще не закончены. ...ом с большими новыми зданиями уродливо торчат ни...кие хижины времен царизма. На немощеных улицах, ...ющих все еще деревенский вид, кипит уличное движение. ...Новосибирске сосредоточены все краевые учреждения — ...тийные, правительственные и профсоюзные. Здесь и центр

Промышленность Новосибирска — еще на первых ступенях своего развития. Но здесь уже есть кирпичные заводы, гончарные и чугунолитейные, заводские мастерские, слесарные и ремонтные депо

Дом им. Ленина в Новосибирске. Здесь библиотека, зал, кино и пр.

По данным 1923 года, в Новосибирске было 76.000 жителей. Эта цифра немалая, если принять во внимание очень слабую населенность Сибири. Ведь, по статистическим сведениям, на огромных пространствах края в $4^1/_2$ миллиона кв. километров на каждый кв. километр в среднем приходится всего по 2 жителя.

Не недаром Сибирь считается страной будущего. Ее неисчислимые природные богатства с каждым годом все больше и больше становятся достоянием нашей добывающей и обрабатывающей промышленности. Новые достижения техники, в особенности в области авиации и воздухоплавания, подают надежду на то, что главное затруднение в деле сообщения Сибири со странами За-

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

В журнале «Огонек» № 8 за 1927 год была опубликована заметка «Сибирский Нью-Йорк». Собкор «Огонька» Ю. Лушин показал эту заметку председателю Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся И. П. Севастьянову и попросил его ответить на несколько вопросов.

ВОПРОС. Жители Новосибирска называют свой город столицей Сибири. В этом, наверное, есть смысл, хотя бы потому, что он самый крупный город в Сибири. Вместе с тем он и один из самых молодых городов, во всяком случае, Новосибирск моложе многих своих жителей. Сохранятся ли в будущем бурные темпы развития города?

Ответ. Несмотря на свою молодость, Новосибирск уже сейчас имеет свой характер, и, пожалуй, главное в его облике — грандиозный размах и устремленность в будущее.

Наш город часто называют ровесником Октября. Это не случайно, потому что, например, объем валовой продукции крупной промышленности вырос за годы Советской власти более чем в две тысячи раз. Появились такие гиганты крупной индустрии, как «Сибсельмаш», «Сибэлектротяжмаш», «Тяжстанкогидропресс», металлургический завод имени Кузьмина и другие. Новосибирские машины, станки, приборы, оборудование известны в десятках стран мира.

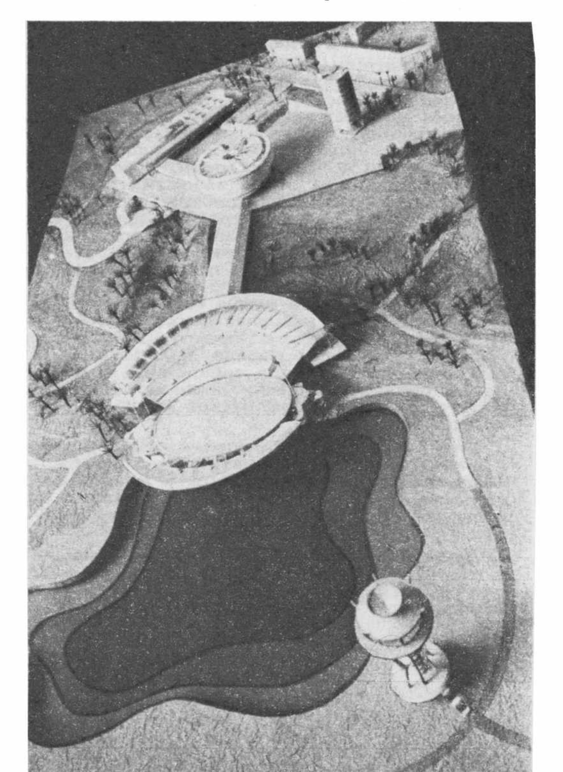
Но сегодняшний Новосибирск не только промышленный и административный центр. Он крупнейший центр науки и культуры. Кто сегодня не знает его Академгородка, расположенного в живописном районе Обского моря...

В сущности, за последнее десятилетие город удвоился, вырос еще такой же Новосибирск, только более благоустроенный и красивый. Это не значит, разумеется, что он развивался и рос только вширь. Площадь его и так занимает третье место после Москвы и Ленинграда — 478 квадратных километров. В последние годы Новосибирск стремительно повышает этажи своих новостроек. Построены целые районы 9- и 12-этажных жилых домов.

Город наш застроен в основном в послевоенные годы. Над его архитектурным обликом много работают сегодня наши зодчие и проектировщики. Многое у него еще впереди...

За минувшее пятилетие население города получило 66 тысяч новых благоустроенных квартир, 12 поликлиник, три плавательных бассейна, семь кинотеатров, великолепный цирк на 2 300 мест, 126 магазинов — всего не перечислить. Сегодня на каждого горожанина приходится 10,7 квадратного метра общей площади. А в этой пятилетке население получит 80 тысяч квартир, и обеспеченность жильем возрастет до 12,4 квадратного метра на человека. Не менее важно и то, что эти новые квартиры будут удобнее и благоустроеннее прежних. В них, как правило, предусмотрены изолированные комнаты, просторные кухни и передние, кухонные электроплиты.

Таким будет спортивный комплекс на левобережье Оби.

Красный проспект.

Фото Ю. Лушина.

Новосибирск чаще сравнивают не с Нью-Йорком, а с Чикаго, потому что эти города — рекордсмены мира по темпам своего развития. Несколько лет назад к нам приезжала американская делегация. Заморские гости удивлялись и Академгородку и развитой промышленности города, а потом один из них спросил:

— Почему вы не строите небоскребы?

— Простите, а на каком этаже вы живете?— задал я встречный вопрос. И оказалось, что никто из них не живет выше пятого этажа.— Почему же так получается? — поинтересовался я.

— Видите ли,— ответили они осторожно,— на верхних этажах у нас жить менее удобно...

— Ах, вот в чем дело! Мы будем строить жилые дома в 16 этажей, а деловые, административные до 25, но создадим в них максимум удобств для человека. Приезжайте через некоторое время и сами убедитесь...

Гости дипломатично отмолчались.

Чуть больше десятка лет назад на месте Академгородка, центра сибирской науки, известного теперь всему миру, шумел лес. Велика заслуга ученых в его создании. И сейчас наука в городе продолжает развиваться бурными темпами. Уже сегодня действуют десятки научно-исследовательских институтов и 16 высших учебных заведений. Это оказывает и должно оказывать большое влияние на промышленный потенциал Новосибирска. Новосибирский научный городок был рассчитан на 40 тысяч жителей. Практически сегодня его проект реализован. Сейчас ведется проработка «большого» Академгородка с учетом размещения системы специальных конструкторских бюро и опытных производств как промежуточных звеньев между наукой и массовым производством. По предварительным расчетам, население, связанное с Академгородком, должно утроиться. Разрабатывается проект научно-исследовательских институтов Сибирского филиала Академии медицинских наук, ведется проектирование и строительство комплекса Сибирского отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

ВОПРОС. А если заглянуть в Новосибирск, например, 2000 года? Каким он вам видится?

Ответ. Ну, что же. Давайте помечтаем. Три года назад мы утвердили новый генплан развития города на 25 лет. Но уже теперь становится ясно, что в него придется вносить коррективы. Например, мы полагали, что к 1980 году население составит примерно 1,3 миллиона человек. А уже в настоящее время оно превысило 1,2 миллиона и, видимо, к 2000 году достигнет порядка 2 миллионов человек. Значит, нужно расширять границы городской застройки, совершенствовать архитектурно-планировочную структуру. Появятся новые благоустроенные районы в северной части города, на месте городского аэропорта, вырастут крупные жилые массивы с центрами обслуживания в юго-восточной части правобережья. Левобережная часть города будет развиваться в южном и западном направлениях. Коренным образом будут реконструированы старые районы, где жилые дома индивидуальной застройки окончательно уступят место многоэтажным, современным зданиям. Все это позволит довести обеспеченность жильем до 18—20 квадратных метров общей площади на одного горожанина. Мы сможем обеспечить каждую семью квартирой, в которой количество комнат будет превышать общее число членов семьи: в каждой квартире будет минимум одна общая комната.

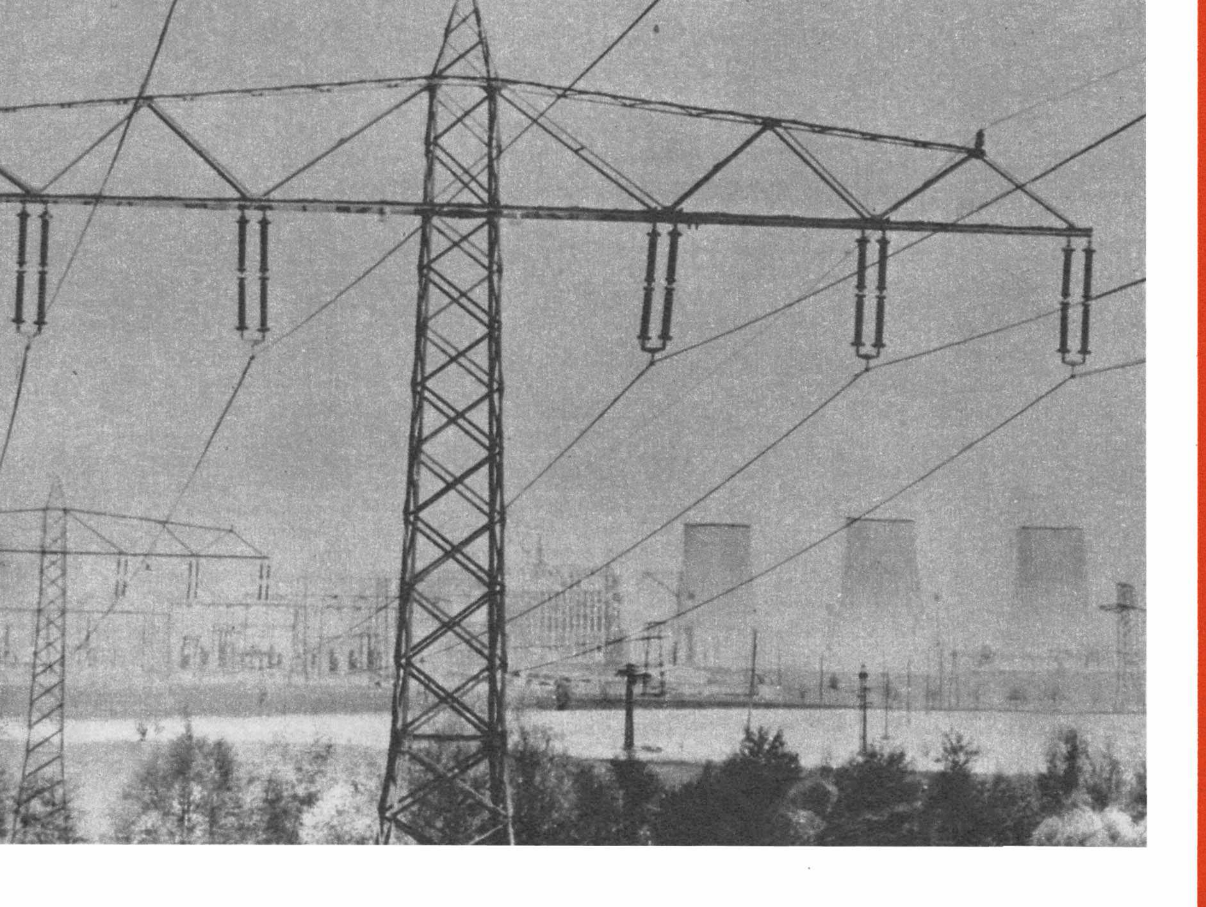
А теперь разрешите пригласить вас в небольшое путешествие по Новосибирску 2000 года. Начнем мы его, пожалуй, от площади Гарина-Михайловского (это ворота города). Внешний ее облик совершенно преобразят взметнувшаяся в небо 24-этажная гостиница и 9-этажные здания. Но не только это. Сама площадь будет двухъярусной, причем весь транспорт уйдет вниз, наверху раскинутся цветники, тенистые аллеи, а в центре ее — памятник основателю города инженеру-путейцу и писателю Гарину-Михайловскому. Отсюда можно пройти пешком по широкому проспекту, застроенному 14-этажными светлыми зданиями, мимо фирменных магазинов, кафе, кинотеатров к площади Ленина. Это театральный центр города. Свою функцию он сохранит и в будущем, расширив свои границы и обогатившись новыми оригинальными зданиями ТЮЗа, театра «Красный факел», дворцов культуры и кинотеатров... Мы с вами и не заметили, как уже вышли на новый Октябрьский проспект, широкий и прямой, как стрела. Высотные здания в 20 этажей и выше, зеленые ленты бульваров, парки, возникшие на месте оврагов и спускающиеся прямо к набережной Оби. Тут административный, деловой центр. С любого высотного здания открывается великолепный вид на красавицу Обь, на новые мосты, соединившие ее берега, на набережные, больше похожие на парки. Неподалеку расположатся планетарий, картинная галерея. Дальше — торговый центр. У научной библиотеки Сибирского отделения АН СССР, ставшей центром культурно-просветительного комплекса, можно спуститься на станцию метрополитена, о котором так мечтают новосибирцы. Через считанные минуты мы уже на левом берегу Оби у большого спортивного комплекса. Здесь же, по берегу, тянутся ленты благоустроенных пляжей.

В центре левобережья, на площади Карла Маркса, возникнут великолепный киноконцертный зал, 20-этажная гостиница «Турист», универмаг, высотные административные здания. Они преобразят силуэт этой части города.

Если мы продолжим наше путешествие по улице Ватутина и дальше, то увидим научный городок Сибирского отделения ВАСХНИЛ, великолепный дендропарк. Отсюда уже рукой подать и до Академгородка...

Как видите, даже короткая экскурсия в завтрашний день столицы Сибири способна поразить воображение. А ведь я показал вам лишь кусочек будущего города. Новосибирск развивается и будет развиваться гармонично, придерживаясь единой градостроительной политики, основа которой — создание максимальных удобств для быта, труда и отдыха человека.

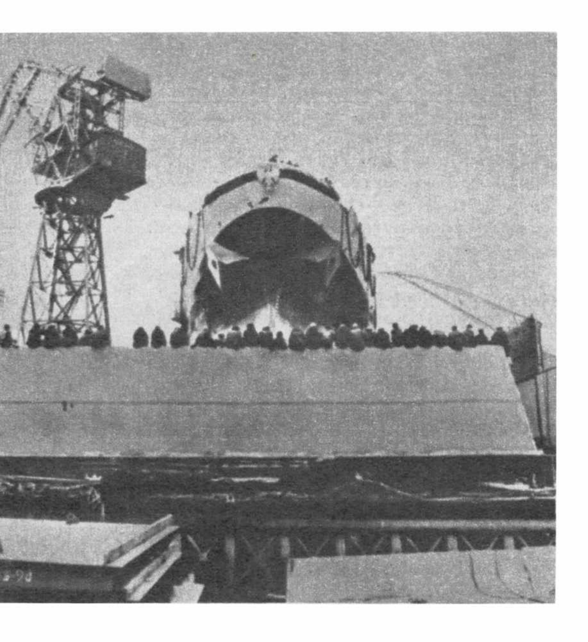
ГДР • ДРВ • ПНР • СССР

Работа по реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции широким фронтом развернута в Советском Союзе и других странах — участницах СЭВ.

Благодаря высоким темпам роста промышленного производства, предусмотренного программами экономического развития этих стран, доля социалистических государств в мировой продукции промышленности возрастает. Если в 1970 году она составляла 39 процентов, то к концу 1975 года, как предполагается, она приблизится к 44 процентам.

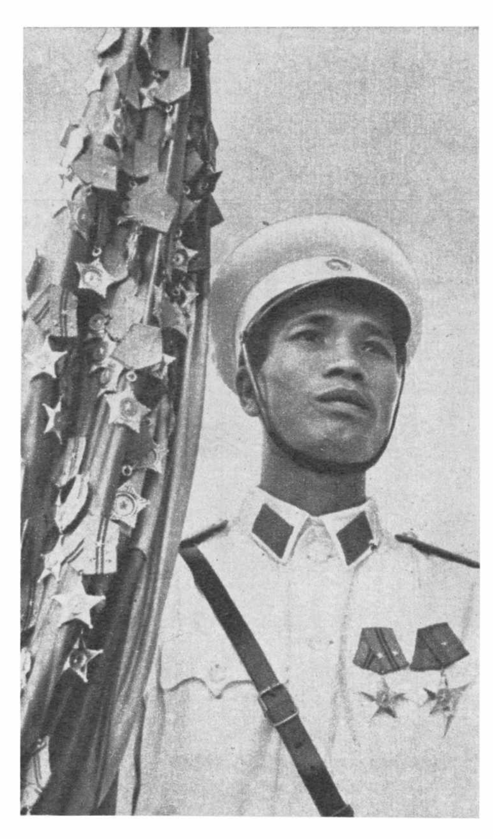
Электростанция в Тирбахе (округ Лейпциг) — пример плодотворного сотрудничества социалистических стран в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Создавать этот важный объект народного хозяйства ГДР помогают три братские страны. Советскому Союзу принадлежит проект станции и ее «стальное сердце», народная Польша построила башенные охладители, ВНР поставила для 300-метровой дымовой трубы современную обеззоливающую установку.

20 лет назад советские и польские судостроители совместно построили первый док Щецинской судоверфи. За эти годы здесь было спущено на воду 158 судов.

Сегодня народная Польша выходит в первую десятку стран, производящих морские суда, а по строительству рыболовных судов она занимает первое место в мире. Тысяча океанских кораблей построена на польских верфях в 1949—1970 годах. Более половины из них созданы по советским заказам, сыгравшим огромную роль в развитии кораблестроения ПНР.

На снимке: спуск на воду еще одного судна щецинских мастеров.

Демократическая Республика Вьетнам. Боец Народной армии у знамени зенитной части, к которому прикреплены ордена и медали боевой славы. Эти награды часть получила за отражение воздушных налетов американской авиации.

По сообщениям печати, число налетов американской авиации на ДРВ за 1971 год увеличилось в пять раз по сравнению с 1970 годом.

С августа 1964 года США потеряли в небе ДРВ 3 429 самолетов.

В сентябре 1951 года было подписано первое правительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве между СССР и ГДР. Оно положило основу плодотворному развитию научно-технических связей, обмену научной информацией и производственными технологиями между этими странами. За минувшие годы 12 тысяч специалистов из ГДР изучали в СССР научно-технические достижения и 8 тысяч советских специалистов в этих же целях побывали в ГДР.

На снимке: «пятиминутка» на Ижевском автомобильном заводе, где прессами «Эрфурт» оснащается цех крупной штамповки.

Слева направо: слесарь А. Кузнецов, мастер-монтажник из ГДР Иорген Крэч, слесарь А. Федулов и мастер-монтажник из ГДР Зигфрид Лютер.

Фото ТАСС, ЦАФ — ТАСС, АДН — ТАСС.

Письмо из Каунаса. Надо ли говорить, как рады ему узбекские прядильщицы Ханифа Мирзагазиева, Мухаббат Ахмаджанова, Максуда Мамедбаева, Галина Плохова, Зинаида Самусенко, Нурхон Турсунова!..

НИТИ ДРУЖБЫ

Фото
Б. КУЗЬМИНА,
В. САЛЬМРЕ,
Э. ЭТТИНГЕРА.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Серпухов, Кировакан, Каунас и Фергана. Тысячи километров отделяют их друг от друга. А они все равно что родные братья, разъехавшиеся в разные концы страны: в Подмосковье, на Кавказ, в Прибалтику и Среднюю Азию. Сблизила их химия, точнее, производство искусственного волокна, из которого делают и белье, и костюмы, и платья, кофточки, свитера, и много других приятных и нужных людям вещей.

Корреспонденты «Огонька» побывали в четырех республиках, на четырех заводах химического волокна, следуя за эстафетой дружбы. Наш репортаж — о взаимопомощи и братских связях рабочих коллективов четырех республик: России, Армении, Литвы и Узбекистана.

РСФСР. СЕРПУХОВ

Репортаж ведет спецкор «Огонька»
Г. КУЛИКОВСКАЯ

Неширокие улицы, сбегающие в овраги, невысокие толстостенные дома и здания-башни, взлетевшие над заповедными лесами,— таков Серпухов, старинный русский город на южных подступах к Москве. Завод химического волокна тоже с долгой историей. В корпусах из темно-красного кирпича была когда-то фабрика промышленника Коншина. В советское время — новоткацкая фабрика. А вскоре после Великой Отечественной войны здесь получили ацетатный шелк. Первый в РСФСР, первый в Советском Союзе. Завод в Серпухове стал своего рода экспериментальной базой, на которой испытывалось и отрабатывалось все новое — новые изделия, новые машины, новая технология. Он стал и практической школой для студентов, учащихся профессионально-технических училищ и техникумов. Именно отсюда, с берегов Оки, производство химического волокна перекинулось за Кавказский хребет, в Армению. И Анна Галанова имеет к этому прямое отношение.

— Одна из лучших наших намотчиц,— представил нам миловидную худенькую женщину начальник прядильного участка В. П. Абрамов.— У нее обучались работницы из Кировакана.

— Не только у меня,— вступает в разговор Анна Николаевна Галанова.— У Кириллиной, Митрофановой, Медведевой, Зеркалиной, Калугиной. У Веры Дорожкиной были практиканты. Вера, правда, не работает на заводе. Давно это было, лет восемь назад. Боялась я тогда, что не смогу ничему их научить. Трех девушек прикрепили ко мне, а они по-русски плохо говорили. А потом ничего, понимать друг друга стали. Потом еще две ученицы приехали. С ними дело пошло живее. Всей компанией в Москву ездили, в Кремль ходили, в Большой

Продолжение см. на стр. 20—23.

РСФСР • АРМЕНИЯ • ЛИТВА • УЗБЕКИСТАН

УМНАЯ И СМЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Сергей ТКАЧЕВ,
секретарь Союза художников РСФСР

Восемь десятилетий тому назад, поднявшись на высокий берег Енисея — «могучего неистового богатыря, который не знает, куда девать свои силы и молодость», и глядя на раскинувшиеся вокруг бескрайние дали, Антон Павлович Чехов восхищенно предсказывал: «Природа.., которая со временем будет служить неисчерпаемым, золотым приском для сибирских поэтов, природа оригинальная, величавая и прекрасная...» И мечтал: «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Чеховские слова вспомнились мне, когда мы, выставком, отбирали полотна в экспозицию выставки «Урал, Сибирь, Дальний Восток» — первой такой самостоятельной выставки, показанной нынешнею зимой в Центральном выставочном зале столицы.

Поражало, с какой силой, каким размахом сбылось поэтическое чеховское предсказание, когда на больших холстах предстали перед нами картины этой новой, **нашей**, кипящей, бурлящей жизни. Небывалая эта жизнь и прекрасная, могущественная природа, преобразуемая рабочими руками советских людей, вдохновили художников на создание ярких, волнующих произведений.

Большие холсты, на которых представали в своей привольной, дикой и суровой красе неоглядные просторы, исполинские горные хребты, реки-богатыри, красавица тайга. Пейзажи-картины, этот новый вид пейзажной живописи, рожденный нашим временем, пейзажи-картины, запечатлевшие природу великого края и созданные его талантливыми художниками, по праву открыли выставку.

Вдохновляют живописцев не только красота дикой природы, ширь просторов, торжественность величавых ландшафтов, но и ритмы, формы «второй природы»: стройки, карьеры, заводы, линии электропередач.

Отроги Северного Урала громоздятся на полотне свердловчанина Е. Гудина «У горы Рудной. В Норильске». Громадные металлические нефтехранилища белеют в картине томича Г. Завьялова «Сургутский край». Диковинная природа Дальневосточья романтическими красками воспета у Ю. Земского и В. Бочанцева. Широко разлилась у подножия памятника Ильичу «Золотая Лена», запечатленная иркутянином В. Рогалем. А показанной на вкладке номера картине его младшего земляка А. Шаталова «Усть-Илимская. Лосята», отразившей один из этапов строительства Усть-Илимской ГЭС, очень скоро предстоит поведать будущим поколениям — детям и внукам нынешних строителей — о переменах, творимых сегодня. Когда поднимется на бетонных опорах плотина, новорожденное Усть-Илимское море навсегда затопит островки, у которых одно имя на троих — Лосята... А пока ползут по временной эстакаде грузовики к одному из Лосят — его «разбирают» на гравий и песок для бетона. Взгромоздившись на бетонные основания, медленно и важно поворачиваются громадные, похожие на фантастических чудищ краны, возводя плотину. Глядишь на гигантов и думаешь, что, верно, Сибирь терпеливо — века! — дожидалась этой могучей, под стать ей, громадине, техники, созданной руками и талантом советских людей — ученых, инженеров, рабочих. И тогда их волей пришла в край беспредельных просторов та «полная, умная и смелая» жизнь, которая грезилась Чехову, когда проезжал он по дремлющей Сибири на перекладных: ведь и железная дорога в ту пору еще не пролегла вдоль долгого сибирского тракта.

А теперь вот сколько чудес сотворили люди!

И удивительно ли, что главным героем художников края стал человек. Труженик, созидатель, преобразователь.

«Мои герои» — так назвал свердловчанин И. Симонов свою картину, в которой изобразил четырех рабочих парней-металлургов перед мольбертом. Запечатлев на своем полотне как бы рабочий момент создания картины (тот небольшой, натянутый на подрамник холст, что стоит на мольберте, верно, предназначен для натурного этюда), живописец заявил, что дорого ему в жизни, о чем он хочет говорить в своем искусстве, что вдохновляет его на творчество.

Картина «Мои герои» стала своеобразным эпиграфом выставки и заняла место в заглавном зале вместе с открывшими ее пейзажами-картинами.

Свердловчане вообще во многом были запевалами на выставке. По общему признанию, именно у них достигла наибольшего успеха тематическая картина — главенствующий жанр нашего изобразительного искусства. Художники Г. Крапивин, В. Зинов, Г. Гаев показали вещи выразительные и добротные по тематической направленности, композиционному решению.

Создание станковой тематической картины — сложнейший творческий процесс. Это и мучительное вынашивание замысла, и бесконечные поиски типажа, и выбор точного композиционного решения, колорита... И тем более радостно, что на выставку прислали достойные работы своих художников именно в этом жанре старый Оренбург и совсем еще подросток Братск, родина великого художника России Сурикова Красноярск и университетский город Томск, «полюс холода» Якутск и восточный сторожевой Петропавловск-Камчатский. Я назову здесь еще некоторых сильнейших «картинщиков» — участников выставки. Это якут А. Осипов, житель Красноярска С. Орлов, оренбуржец В. Ни, пермяк Т. Коваленко...

Однако хотелось бы, чтобы мастера не останавливались на достигнутом, а искали новые, еще более выразительные живописные средства. Ведь в жизни, к примеру, есть не только суровые, сдержанной, почти однотонной гаммы краски, чаще всего используемые, например, свердловчанами, но и мажорные, яркие или нежные, лиричные...

Тематическую картину, отразившую этапы нашей борьбы и созидания, наши победы, дополнили скульптурные композиции челябинского ваятеля Л. Головницкого, Н. Петиной из Оренбурга и других.

В последние годы в советском искусстве становится все более глубоким интерес к портрету. То есть, по существу, это значит, что становится более глубинным интерес к жизни. У художников возникает желание говорить о времени не вообще, а конкретно — через живые характеры наших современников. При этом художники — и живописцы, и скульпторы, и графики стремятся, чтобы их портреты, слившись в портретную галерею, воплотили в себе образ эпохи, остались памятником о нашем удивительном времени. Потому что народ, время, эпоха — категории не абстрактные, не отвлеченные, а сцементированные из живых индивидуальностей, их судеб, характеров и дел. Чтобы достичь в искусстве такой глубины и выразительности, каких требует день сегодняшний, нужно пристальнее всматриваться в духовный мир людей, передавая в портрете не только особенности душевного склада и характера, но и выражая самый смысл жизни каждого из них. И именно это желание видели мы в лучших работах портретистов выставки уфимцев А. Лутфуллина, Р. Нурмухаметова, Ф. Кощеева, иркутянина А. Вычугжанина, свердловчанина Н. Чеснокова, пермяка Е. Широкова, Ю. Чиркова из Улан-Удэ, А. Кирчанова из Кемерова, барнаульского скульптора П. Миронова...

Лирический пейзаж, натюрморт тоже вошли в экспозицию. Словом, были показаны все виды, все жанры изобразительного искусства: скульптура, графика, театрально-декорационное и декоративно-прикладное искусство, питаемое исконно народными, многовековыми истоками и традициями.

Традиции. Выставка заставляла невольно задуматься об их животворной силе и определяющем успех творчества значении. Пример передвижников, их гражданский подвиг в искусстве. Они для нас, советских художников, во многом поучительны. Не раз придется обращаться к искусству передвижников, изучать их наследие. Обращаться и к величественным картинам Сурикова, к суриковскому психологизму, и к мощному реализму Репина с его ненасытной жадностью в познании человека, и к эпосу Васнецова, и к проникновенному русскому портрету — знаменитой серии современников, созданных передвижниками, и к прекрасным русским пейзажистам. К искусству очень глубокому и сердечному и по-настоящему народному.

Я вспомнил об этом потому, чтобы не только отдать дань уважения передвижникам, но и потому, что они нам нужны сегодня как пример самоотверженного служения своему народу. Мы должны учиться у них самозабвенному и глубокому изучению жизни.

Мы, советские художники, счастливые люди. Русское искусство, русское советское искусство, богатое и многообразное, оставили нам наследие, которым мы все гордимся и дорожим. И, опираясь на это наследие, мы должны идти дальше в своем творчестве.

Там, где отношение к традициям любовное и предельно внимательное, мы наблюдаем постоянное, неизменное движение вперед, одоление новых творческих вершин. Именно так обстоит дело, например, на Урале, в Башкирии, где мастера младших поколений бережно относятся к наследию таких основоположников изобразительного искусства края, как, например, А. Тюлькин, Л. Туржанский, А. Парамонов. И мы уже привыкли год от года встречаться на самых различных выставках с неизменно яркими, самобытными произведениями из Башкирии, узнавать их сразу по ярким, красивым, чистым и стройным созвучиям истинно солнечных красок. Например, в полотнах А. Бурзянцева, Б. Домашникова, А. Пантелеева... При этом чувствуется, что всякий раз работы башкирских мастеров кисти являются плодом упорных поисков нового.

Богатая, многообразная выставка показала, что можно сегодня говорить даже не об искусстве этого громадного края в целом, а уже о ряде отдельных, самостоятельных и своеобычных, сразу различимых его коллективах. Таких, как уфимский, томский, оренбургский, магаданский и другие, где трудится много талантливой творческой молодежи. Приток молодых сил и имен — В. Буркасов и А. Знак из Красноярска, В. Коротин из Хабаровска, Б. Волков; Э. Матакова и Ю. Баландин из Братска, Ю. Мягков из Магадана, Г. Новикова из Иркутска, А. Ткаченко из Уссурийска, А. Калинин из Абакана — это только некоторые из них, залог дальнейших успехов, дальнейшего расцвета большого искусства в тех краях, где так недавно ни о чем похожем не дерзали даже мечтать.

И. Симонов (Свердловск). МОИ ГЕРОИ.

Художественная выставка «Урал, Сибирь, Дальний Восток».

А. Шаталов (Иркутск). УСТЬ-ИЛИМСКАЯ. ЛОСЯТА.

Художественная выставка «Урал, Сибирь, Дальний Восток».

НЕПОКОРНАЯ ВНУЧКА

Иван ПУЗАНОВ

Рисунок В. ЮДИНА.

РАССКАЗ

Дед Назар покидал родной хутор. Это спешное решение для всех старожилов было в диковинку: завзятый хлебороб, без кого многим трудно было представить утренний наряд и многолюдный в страдную пору полевой стан, отрекался от привычной для него жизни. На своем веку два раза отлучался Назар Степанович из хутора: парнем уходил на гражданскую войну по призыву, потом добровольцем — в Отечественную.

Назар Болдырев расставался с родным, старинной застройки просторным куренем, богатым садом, с полями и степью, какие топтал, любовно обихаживал и поливал пóтом с детских лет. Не умолкая судачили на станах, трепали необычную новость возле сельповских магазинов. К отъезду деда хуторяне относились по-разному. Одни — их было меньше — одобряли такое намерение. Мол, пусть заслуженный человек остаток жизни беззаботно проведет в городской квартире, не заготавливает на зиму дрова да кизяки, не таскает ведрами воду. Не колготится возле мельницы с помольцами. Хлеб в ларьке купит. К дверям ему утречком всегда свежее молочко подвезут. Рядом, небось, театры, клубы. На концерт какой поглядеть интересней, чем на то, как навоз из сарая выгребают. Летом будет приезжать в хутор, как на дачу, нынче это модно. Да отдохнет он от хлопотливых колхозных дел. По семейному уюту человек истосковался. А бабочка, к какой он едет, видать, культурная, обходительная, угодить и поладить с ним сумеет. Парнем, говорят, он за нею увивался, вот и аукнулось старое.

Но говорили об этом тихо, неуверенно, потому знали, как ладно жил Назар со своей Матреной. Умела она, бывало, и пожалеть и отругать. Старуха была добрая, хлопотливая, а ругалась при крайней надобности и самым, как ей казалось, обидным словом — «Мазепа», хотя значения этого слова она и не понимала.

Другие, усмехаясь, утверждали: не уживется, норовистый он, Назар, непокладистый. Были и такие, что похихикивали: ишь, старый бес что удумал, любвей ему захотелось. И она тоже... краля, приехала на старости лет жениха выискивать, да не гулящего увозит, а мастерового, нужного для артели человека.

Что поделаешь, вздыхали иные, со стариками теперь такое часто случается. Живет себе тихочко, потом такой номер выкинет, что диву даешься: пенсии получать стали, на сыновний стол не поглядывают, перед дочерью и зятем шапку не ломают.

А дед Назар вышагивал вечером по хутору принаряженный, гордо запрокинув голову и расправив плечи, поблескивая орденской колодкой. Улыбался хитровато в седые усы, довольный, поглаживал белый клок волос — куцую бороду. Решение это — уехать — пришло нежданно-негаданно. Должно быть, и для самого деда было оно диковинным. Прикатила из города в хутор на гости Богачева Агафья — теперь ее называли Галиной. Девкою в голодный год уехала она к дядюшке в город да и застряла там на всю жизнь. Наезжала потом два или три раза — перед войной и после войны. Издалека глядел на нее Назар Болдырев, да недосуг было посидеть за чашкою чая, былое вспомнить. Да и жена Матрена не спускала глаз со своего заметного на хуторе муженька.

На широкой улице хутора показалась Агафья сразу после косовицы, когда спáла жара. В голубом, ладно сшитом платье мяла песок черными лакированными туфлями. На затылке колыхался тяжелый, с проседью куль. Приподнимая брови, будто чему удивляясь, глядела она на высокие глазастые дома, что стояли на месте былых подслеповатых землянушек, на встречных, стараясь «по породе» угадать внука или дочку своих сверстников. Завидев знакомую, раскланивалась и, забыв уж, как и звать хуторянку, здоровьем интересовалась, про детишек расспрашивала. Хуторяне словоохотливо и доверительно бранили или хвалили детей своих, а гостья улыбалась грустно, кивала головой и говорила, чаще невпопад: «Хорошо, счастливая ты». «Ну, а ты-то, Ганюшка, с кем живешь?» Гостью при слове «Ганюшка» слегка передергивало, но редко кто замечал это. «Одна я. Ну, ничего, скучать-горевать некогда. В хлопотах и заботах». Агафья то и дело оглядывала свое платье, поправляла волосы. Нетерпеливо щелкала замком лакированной сумки, будто куда торопилась. «Приехала она на родные уголочки поглядеть да могилки батеньки и маменьки проведать»,— объясняла двоюродная сестра Агафьи, кашеварка Марфа.

Ровесницы поглядывали на Агафью с завистью, переговаривались: «Ладная, крепкая Агафья, в лице-то и не поменялась вовсе. Беленькая... Уж что она и делала в своей жизни». «И вправду, сытенькая, сдобная. Портниха... А дело это заработное. И тебе на солнышке не гореть и за соломой зимой в степь не ехать, не студиться». Бабы помоложе замечали: «Холеная. Сохранилась. Хе-хе... Небось, журнал «Здоровье» читает, не то что мы...»

Увидал ее дед Назар, возвращаясь с поля, на свое подворье зазвал. Погоревали они вместе, вспомнив тихую, непоседливую покойницу Матрену, жену деда Назара, поглядели на старинные фотокарточки. Потом старик сбегал в сельповскую лавку за вином, а завеселев, потащил из сундука фронтовые медали, похвастался пожелтевшими страницами газет, где упоминалось и о нем — рядовом пехотной роты...

Потом прошли они по поросшему белой талой берегу до старой гребли, где когда-то стояла мельница-водянка и бурунилась, вскипала речка. Ходили друзья детства да все вспоминали былое, так, казалось, далекое и дорогое и уже невозвратное. Как было не вспомнить скачки за хутором, где похвалялись казаки удалью своей и ловкостью; даже кулачные бои в престольные праздники казались старинным друзьям дорогим зрелищем.

— Помню, лихо ты дрался в молодости.

— Были дела.

— Э-эх, идет время.— Агафья вздыхала да все руками всплескивала: как все переменилось на хуторе! Через пологую балку Грачевую, что разделяла хутор надвое, на Песчаную и Заяровку, теперь перекинулся мост.

В проулке на окраине хутора увидала гостья молотуху — ребристый каток, выдолбленный из крепкого белого камня, и остановилась. Должно быть, вспомнила, как давно-давно вот этими камнями — молотухами, что таскали лошадьми по кругу, молотили снопы в поле. Ланы земли Болдыревых и Богачевых были рядом. Хозяева — отцы Назара и Агафьи — дружбу водили крепкую. Бывало, случится у одного неуправка в хозяйстве — так другой бросит свое, товарищу помогать пойдет.

Ходили Агафья и Назар в степь, бродили по стерне, видали их и у колхозных садов.

— А помнишь, как уходила я из хутора?.. А ты до бугра провожал,— вспоминала Агафья и глядела на бугор.— Пышку мне ячменную на дорогу в карман положил, яблок... Ехала я да все боялась, как бы паровоз с рельсов не сошел.

Не преминул Назар Степаныч пожаловаться Агафье на внучку свою Нюранку: своевольная, строптивая, хоть кол ей на голове теши, а она свое.

— Шарахается нынче молодежь. Живет в достатке, своевольничает. Что хотят, то и делают,— согласилась гостья.— В нашем доме дочка какого-то начальника уехала самовольно с парнем на Кавказ на его машине. Отдыхать поехали. Ну, что от нее можно ждать, если она в таком возрасте. С жиру молодые бесятся. Мы-то мыкались от холоду и от голоду, да время было смутное, да знали мало, а теперь... Ну, хоть бы взять такое: одеваться девки стали — глядеть стыдно. Раньше-то что ж, девки были кривоногие да толстопузые? Совесть была, приличия соблюдали, старших побаивались. Теперь девка все свое богатство наружу: погляди, какая я. Нахально в жены набиваются. А на иную в ее-то новомодной одежде и глядеть страшно, а она этого не понимает.

Давненько ни с кем вот так не вздыхал о прошлом старик Болдырев, разбередил душу, а все ж был обрадован приезду Агафьи — она была свидетелем той сладкой поры, того бурного времени, когда сшибались бедняки и богатые, делили землю, выселялись на отруба, объединялись в ТОЗы, как куролесили ожившие при нэпе богатеи, как митинговали казаки в памятный год коллективизации. Как въяве увидал Назар Степаныч годы те и себя самого — бойкого, задиристого. Жениховал он в те шумные годы, на виду был — новой власти помогал. Агафья — девочка с косичками — всякий раз провожала Назара из-за плетня долгим любопытным взглядом. Потом на вечорки захаживать стала. Спрячется за кого-нибудь и глядит зверьком на гуляющих. Проводил ее домой Назар один, другой раз... Интересно было с глупенькой, боязливой девчушкою... Не-

известно, что случилось бы, если бы не голод. Долгие годы притушили, но вовсе не вытравили памяти об Агафье.

Через полторы недели дед Назар объявил своей невестке, жене покойного сына, Полине:

— Уеду я. Чего ж одному-то коротать.

На что невестка сказала:

— Глядите, батенька, воля ваша. Да вот не промахнуться бы в ваши-то годы. Неловко будет. Бабочка она видная, да разве ж узнаешь...

— Я ее с детских лет знаю... Поживем — увидим...

На проводы деда Назара пришли его ровесники, прикатили дружки и сослуживцы с других хуторов, пошучивали:

— Назар-то, как петух на провесне — грудь вперед, чуб — торчком.

— Жени-их...

— Сила в нем, стало быть, играет.

— Крепкий он и в строгости жил. Ты вот сладкое без меры ел — зубов лишился, водчонкой много лет баловался — гастрит к тебе прилабунился.

Старики неторопливо вели беседу, на невесту поглядывали. Обрадованная Агафья, поблескивая черными глазами, рассаживала гостей в просторном светлом зале, из углов которого торчали, протянув широкие листья, фикусы. Звякая рюмками, дружки напутствовали:

— Ты там, Назарушка, ни перед кем шапку не ломай: ты всю жизнь город хлебом кормил.

— Ежели нужда в чем будет, пропиши.

— Не забывай степя родные.

Невестка Полина с дочерью Нюранкой подавали закуску. Хозяин куреня, довольный, побагровевший от выпитого, восседал в красном углу, рядом с ним, то и дело вытирая платочком губы, спесиво закусывала городская портниха. Разомлевший бородатый хуторянин рявкнул было «горько», но ему скоренько зажали рот. Немного погодя он затянул старинную, какую певали на проводах служивых, «Ой, благословите, отец-мать, родные мои все...». Старики откашлялись, но не подхватили песню. Неловкость и недолгое смущение притушились, за столом непринужденный говорок однокашников.

Назар, подозвав внучку, давал наказ: «Грядки-то поливай. И яблоньку молодую, хилая она... Про мой наказ не забывай,— дед покривился горько.— Эх, боюсь, не по-моему выйдет. Будешь потом локоть кусать, да уж поздно станет. Вот что, соседке Марфушке скажи, чтоб за садом поглядывала, ребятишки чтобы не шкодили». «Ладно, дедушка»,— тихо соглашалась внучка, не глядя старику в глаза.

Дружки хозяина на Агафью глазами косили, перемигивались. Кузнец Евлампий, костлявый, серый в лице старик, шепнул соседу: «За хорошим мужем — и свинка господинка». «Повезло Назару». «Как сказать...» «Дело это полюбовное». «Ну, давай выпьем, не прими, господи, за напраслину». И когда зарычала под окном автомашина и гости поднялись из-за стола, старухи все-таки упросили деда Назара для порядку поклониться уголкам родительского куреня. Так делали испокон веку казаки, уходя на службу и войну. Дед со своим другом Евлампием заколотили досками крест-накрест двери и ставни, навесили на курене и на зимней под шиферной крышей землянке замки. Расцеловался дед с родными и друзьями, не уронив слезы, и укатил на колхозной машине на станцию.

И лишь родная внучка Нюранка — большеглазая веснушчатая девчонка,— прощаясь с дедом, делала скорбное лицо; часто моргала повлажневшими глазами, а втайне радовалась его отъезду. Дед Назар, заменивший ей отца родного, встал каменной глыбой на дороге ее жизни, и не обойти эту глыбу, не совладать с нею. Не давал дед слюбиться девчонке с покорившим ее сердце механиком гаража Матвеем Мурзиным.

Когда-то, в пору сколачивания колхозов, дед ее теперешнего жениха Матвея, наследник отменной земли, богатого сада и маслобойни, не принял новой власти. Лишившись земли, подворья, сада, куролесил он, обросший и озверелый, с обрезом по всей округе. Ночью сжег маслобойню, чтоб не досталась она ненавистному колхозу, охотился за одногодком-активистом Назаром Болдыревым, чтоб вогнать ему пулю в спину. Грозился убить председателя колхоза и Совета. И все-таки изловчился, убил первого председателя колхоза Путилина, молодого задиристого парня, и скрылся. После того как всю землю сделали общей, а усадьбы в садах по-над рекою поделили между колхозниками, председателю досталась земля в саду Мурзина. Путилин ранней осенью, выкапывая свою картошку, усталый и потный, потянулся за яблочком, что висело над головою. Аникей Мурзин из-за куста пальнул самовольщику в грудь. Упал Путилин с закушенным яблоком на горячую землю. У могилы председателя Назар Болдырев поклялся «пущать кровя врагам Советской власти, а Мурзина предать суду». Да не удалось схватить Мурзина, за границу ушел.

С того дня Назар Болдырев не мог выговаривать фамилию Мурзиных. Обходил и объезжал другими проулками их курень и усадьбу. Многие семьи тех, кто поднагадил новой власти, уезжали на шахты Донбасса, вербовались на Север. Мурзины оставались на хуторе. И теперь, когда минуло с тех пор много лет, наслоились разные события и как-то притушили былое, дед Назар, если касалось дело механика гаража, называл его не иначе как «механик», «внук душегуба», «энтот, из злодеев». Внучке Нюранке, узнав про ухаживания Матвея, напрочь запретил ходить с ним рядом, не то что миловаться. «Не жди моего благословения,— заявил дед.— И не позорь трудового и честного рода нашего Болдыревых». «Он хороший...» — робко намеревалась защитить Матвея внучка. «Хороший до поры, до времени. Кровь в ихнем роду бешеная. Вся породушка такая — подраться да подраковать любят. И глаза-то этого механика горят, как у собаки». «Это он от радости... когда меня увидит. Он у нас комсомольский секретарь и лучший механизатор в районе. В газете про него...» А дед будто и не слыхал внучкиных доводов, зло говорил свое: «И обличьем своим он в своего деда-убивца вылупился. Ишь ты, тоже глотку дерет за обчественное, будто и вправду душой болеет. А кто его начинал, это артельное дело, и кто поперек дороги становился, из-за угла стрелял? То-то!.. И отец у этого механика язва, насмешник, а не помощник в деле». Видал дед не раз, как механик на колхозных собраниях распинался, отчитывал подчиненных, и не верил, глядя искоса на скуластое лобастое лицо механика, ни одному его слову...

Стыдно, неловко ослушаться деда, хотя на хуторе никто бы и не осудил за ослушание. После смерти отца дед стал главною опорою в семье. И мать и Нюранка каждый день чувствовали дедову заботу. А сколько он присылал внучке посылок в экономический техникум? Про то знают работники почты да подруги-студентки Нюранки. Как пойдешь наперекор воле деда, когда всю жизнь под его заботливым крылом? Гуляет вечером Нюранка с Матвеем да все по сторонам поглядывает: не вывернулся бы из-за плетня дед да не огрел бы палкою. Моет внучка в субботу полы в курене деда, а Матвей в темном переулке сидит под длинными, свисающими на проулок космами бузины. Ждет. «Ходишь с ентим?» — сурово спросит дед. «Давно видала»,— отговорится внучка.

В последние годы дед Назар пристрастился к гусиному и утиному мясу. Сам обделывал и сам варил птицу, а пух запихивал в большой мешок. Догадывались внучка и невестка, что дед исподволь готовит Нюранке свадебный подарок — подушки пуховые. Да, видать, не спать на них Матвею...

На второй день после отъезда деда Нюранка и Матвей подали заявление в отдел загса Совета. Не торопясь, управлялись по хозяйству, готовились к свадьбе. Нюранка и скуластый чернобровый Матвей смело теперь разгуливали по хутору и не оглядывались. «Развязал им дед руки»,— говорили, радуясь за них, хуторяне. Жених и невеста в мастерской заказали черный костюм и белое платье. И уже скликали на торжество родственников и друзей. Деда решили известить потом, после свадьбы. А может, и наведаться к нему; не станет он после драки кулаками размахивать.

Каждый вечер Матвей и Нюранка поливали в усадьбе деда грядки. Механик приладил к срубу колодца моторчик, включал его, и вода лилась из шланга тугой струей.

— Вовремя уехал дед,— смеялся Матвей, разбрызгивая воду.

Вечер был теплый. Дотлевали алые с просинью тучи, темнели багрянистые пики тополей. В саду пахло мокрой пылью, будто прошелестел над хутором ошалелый дождь и затих. Розовая луна, похожая на подрумяненный блин, повисла над горбатым красноталовым бугром.

Прежде шумливый дедовский курень прижмурился, притих, лишь шелестела старая шелковица, что раскинула жесткие ветви над крышей куреня. Матвей сидел на срубе колодца и глядел на крохотные, сверкающие под лунной росинки-бусинки, что запутались в пышных волосах Нюранки. Обнимая невесту, говорил:

— Построим мы с тобою дом, сад посадим. И обязательно виноград.

Утром Нюранка с фермы заехала на стан: бригадира ей надо было повидать. Кашеварка Марфа, соседка деда Назара, зазвала ее под длинный навес полевой каши попробовать. Поставила перед экономистом чашку, напротив села. Только Нюранка взяла ложку, как услышала громкий знакомый голос.

— Приехал твой дедушка,— деланно-сочувственно проговорила кашеварка и руками развела.— Слышишь?

Дед Назар отчитывал заведующего током за то, что тот не подгребает, не ворошит зерно и оно проросло по краям вороха.

— Распустились!— гремел дед.— Не свое — не жалко! Как тебе не стыдно, Игнат!

Оборвалось сердце у Нюранки... Не иначе как дед прознал про свадьбу и приехал расстроить доброе дело. Кашеварка недовольно сказала, стараясь, должно быть, выгородить двоюродную сестру Агафью:

— Дед твой не сладкая ягодка. С характером. Слышу: средь ночи машина загудела, а потом затрещали доски, зашумел дед, заругался. Глянула я в окно: он курень свой распаковывает. С таким злючим любая не уживется. Прибег в поле ни свет ни заря... Порядки наводить. Не то без него тут не обойдутся...

Уехала Нюранка, не повидав бригадира. Машина бежала по укатанной до блеска дороге, слегка притрушенной соломой. Небо сизое, выгоревшее. Вдруг из-за плотного облака вынырнул юркий самолет и беззвучно взмыл в поднебесье. За ним тянулась белая полоса. Казалось, самолет разматывал огромный белый клубок ниток. Из кабины Нюранка поглядела на колхозные сады, протянувшиеся зеленой лентой на правом мочажинном берегу. Вон там, у родника, где столпились рябины, произошло то убийство. Не могла Нюранка представить, что там сорок лет тому назад молодой мужчина, похожий на ее жениха, убил из-за яблочка человека. Издалека тянется это былое и по сей день людям покоя не дает.

Жених уговаривал невесту:

— Нюрочка, ты не бойся. Если он вмешается, грозить начнет, мы — тоже... Ну, при чем тут я? Деды дрались, убивали людей, а мне за их грехи расплачиваться? Отцы наши на фронте были... защищали... а он... Если что, комсомолию хутора позовем на помощь. Найдем управу.

— Злой он приехал. Может, мы не будем до свадьбы встречаться, а?

— Ну, вот! Скажи еще, что теперь я тебя украсть должен, увезти и где-нибудь по старинке обвенчаться?

А дед к внучке не заходил и, как показалось Нюранке, избегал с нею встреч. Вышагивал он другим проулком в новой соломенной шляпе, сутулясь, не глядя по сторонам.

Ходила к нему невестка Полина, но расспрашивать обо всем побаивалась: дед сердито ворчал, отвечал неохотно. Не осмеливались ни о чем расспрашивать его и хуторяне, будто ничего вовсе не случилось. Вечерами дед возился в усадьбе, покрасил ставни куреня, подправил ворота, заменил старые доски на крылечке. По всему было видать, что в отъезд он не собирался. Лишь через неделю отмяк дед, с людьми начал заговаривать. Позвал невестку полы в курене помыть: решил перекочевать в землянку. «Осточертело мне по ступенькам скакать,— сказал он.— Да и годы мои не те». Помогал деду перетаскивать кровать и табуретки дружок Евлампий да все посмеивался:

— А я знал, что приедешь. Город не про

нас с тобою. Машины там бесперечь бегают, того и гляди сшибить могут.

— Не в городе дело, ежели говорить правду,— ответил дед Назар. И когда дружки уселись за стол под грушею, разлили вино по рюмкам, дед Назар, косясь на невестку, что мыла ступеньки крыльца, выплеснул боль свою: — Старый я, а вот оступился, как слепая лошадюка. Со своей Матреной жил я припеваючи. Будто родились мы один для другого. Понимал я ее с полуслова. Знала, что я делаю, для кого, для чего стараюсь. А тут... вроде бы со стороны поглядеть — пара мы и неплохая, а? — Дед Назар голову задрал, плечом повел.

— Да вроде ничего...— сдерживая улыбку, согласился кузнец.— Ну, за приезд, что ли?

— А копни в нутро... Из разного мы теста замешаны. Не вздружился я с нею на первой неделе.

— Городская. Белоручка. Знаем.

— Опять же не в городской дело. И у нас на хуторе такие не перевелись. Наш плотник Аким с виду добрый, а заглянь в душу... Любит Агафья вымогать из людей копейку. Ласково так обдерет человека, что он с жалобой не пойдет: согласился, мол, сам попросил на дому костюм сшить. Такие вот теперь научились обхождению. А мне тошно. Не привык я, знаешь, к такому.

— Городская кулачка? Вот так-так... Полжизни ты с кулаками дрался, а под старость по своей охоте в самое логово угодил. Город ее испортил.

— Что ты задолбил одно — город, город... Дядюшка родной ее воспитал. Кулак был из редких. Убег в тридцатом от колхозов. Мастеровой. Тоже на дому зашибает.

— Живой?

— Живой. Точит, грызет помалу жизнь, как мышь.

— Хорошо она, Агафья, живет?— несмело спросил Евлампий.

— А-а...— Дед отмахнулся.— Ничего. Иголкой дом под городом выстроила. Студенты там проживают, денежки платят.

— А зачем копит деньги? Либо старости боится?

— Да нет. Привычка, ну и любовь, что ли, к деньгам. Чем их у нее больше, тем, стало быть, ей веселее, спокойнее на земле живется.

— Чудно.

— Сосед у нее, генерал престарелый, отдал свои сбережения детсаду. Так захворала Агафья, на чужую доброту глядючи.

— Ну, а как баба, какая она?— полушепотом спросил Евлампий, оглядываясь на Полину, что прислушивалась к разговору стариков.

— Как тебе сказать... Хе-хе... Случай один был. Сижу как-то я, на футбольщиков в телевизор гляжу. Интересно все-таки: здоровые парни, человек двадцать, за мячиком гоняются. Ну, и один, самый, видать, прыткий, как гвозданет мячик — и запутался он в сетке, как соменок. Заорали все, аж телевизор качнулся. Агафья, стало быть, как цапнет меня за голову, аж в шее что-то хрустнуло, и ну целовать мою голову. Оторопел я. Гляжу — вроде ничего, трезвая, улыбается.

— Горячая баба,— почему-то заключил Евлампий.— Ну, а как ты убегал-то?

— Ушла она к соседям в картишки перекинуться — я-то это занятие не люблю, знаешь,— а я взял узлы да на автостанцию. Нанял машиненку — и ходу без пересадки.

— В зятьях всегда несладко.

— Не всегда,— мягко возразил хозяин.— Хм... диковинно. А ить мы с нею чуть не на одном дворе родились. Так вот.

— Да уж куда родней: отцы в одной речке портянки стирали. Съездил ты в город, приоделся: шляпу купил,— язвил кузнец.— Мне бы тоже такую.

— Возьми.— Дед Назар поднялся, снял с сучка шляпу, надел на голову дружка.— Носи.

Воскресный день выдался прохладным, безветренным. Гости со свертками и кошелками входили на просторный двор невесты. Столы, накрытые скатертями, стояли в тени под двумя старыми яблонями. Гостей у ворот встречали жених и невеста. Сыпались поздравления, шутки, лобызались подруги с Нюранкою, подтрунивали над женихом. А невеста кланялась, благодарила гостей да все на дом деда Назара поглядывала: придет или нет приглашенный родной дедушка? Нюранка представляла, как он хмуро глядел в пол, шумно сопел, когда она и жених приглашали его на свадьбу. Скреб ногтями крышку стола, ждал, когда уйдут гости. Не сказал старик ни да, ни нет. Никогда он не чурался таких праздников: свадеб, встреч служивых, новоселий. Не придет — немало будет на хуторе разговоров-пересудов, пока какое-нибудь событие не затмит их свадьбы. И когда собрались все и гостям неловко было томиться, не присаживаясь к столу с закусками, над кустами сирени забелела дедова голова. Гости, не сговариваясь, чтобы не смущать старика вниманием, засуетились, усаживаясь за стол. Дед припожаловал без подарка. Подойдя к столу, расцепил на спине руки, буркнул невнятно «здрасте», сделал легкий поклон. Нюранка слыхала, как за плетнем зашушукались неприглашенные хуторяне, любители поглазеть со стороны на хуторские торжества. Дед Назар был хмурый и, казалось, глубоко чем-то своим занятый, будто шел он куда-то по важному делу и на свадьбу завернул мимоходом. Руку он пожал председателю колхоза, исподлобья взглянул на гостей и опустился на стул.

Дядя невесты, проворный бригадир из соседнего колхоза, коротко поздравил молодых. Гости зашумели, послышалось звяканье рюмок.

— Ладу вам в семье!

— Горько!

— В яслях с завтрашнего дня место забронируем!

Председатель колхоза долго нахваливал жениха и невесту, поцеловал обоих и выпил до дна. После третьей рюмки гости начали дарить молодым подарки.

— Дары, дары...— заверещали за плетнем.

Первыми по праву одаривают жениха и невесту родственники. Дядя осушил рюмку, выкрикнул:

— Дарю молодым улей. Чтоб сладко жилось! Ты гляди, жених, к пчелам пьяный не подходи. Пчелы пьяных не любят.— И пальцем погрозил.

— А кто их, пьяных, любит?!

— Ха-ха...

— Дарю перчатки, чтоб не зябли руки у нашего экономиста.

— Валенки!..

— Косыночку!..

Дед Назар исподлобья глядел на жениха и невесту, будто старался угадать, каким подаркам особо рады молодые. Скоро и его черед сказать напутственное слово и непременно подарить что-нибудь. Он чувствовал на себе выжидательные любопытные взгляды. И когда с рюмкою поднялся дед Назар, гости затихли. Стало слышно, как заскрипел плетень: любопытные надавили на него, чтобы хоть самую малость приблизиться, не пропустить ни одного слова. Нюранка склонила голову, скомкала в руке носовой платок. Невестка Полина, сложив на груди руки, стояла за женихом и невестой, затаив дыхание.

Дед откашлялся, заговорил не торопясь:

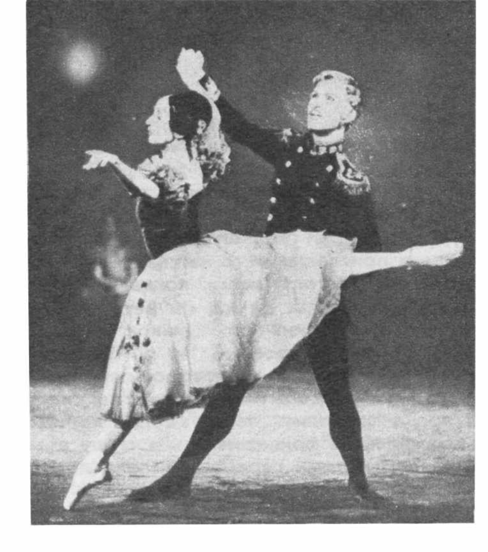
— Ну, чего ж... и я рад... Да, рад, что внучка моя оказалась не обойденной счастьем. А семейная жизнь, ежели она по любви, да всурьез,— это счастье. По себе знаю. Жизнь — штука сложная, меняется она с каждым днем, и люди в ней тоже, переворачивает она все. Старое, оно не забывается, а жить надо, хорошо жить. Я дарю молодым... курень свой с усадьбою...— Дед замолчал. Стало совсем тихо. Потом из-за плетня шумно дохнули, гости захлопали в ладоши, закричали. Дед Назар продолжал: — Могут заселяться хоть завтра. Нехай хозяйствуют, а я буду на их жизнь глядеть да радоваться.

Нюранка вскочила из-за стола, вцепилась в дедовы крепкие плечи. На конце стола затянули свадебную:

Посидите гости, побеседуйте...
Хлеба-соли покушайте.
Нам не дорого пиво пьяное,
Дороги наши гостюшки.

Темнело. Над столами вспыхнули разноцветные лампочки, высветив нарядных гостей, пестрый стол, торчащие за плетнем головы.

ГОСТИ ИЗ ФРГ

Зарубежные балетные труппы — всегда желанные гости в нашей стране. Звезды мирового балета привозят на суд компетентного советского зрителя новые спектакли, концертные программы.

В нынешнем театральном сезоне вначале ленинградцы и рижане, а следом за ними москвичи впервые принимают один из самых интересных европейских балетных коллективов — балетную труппу Штутгартского театра (ФРГ).

Гости из ФРГ показывают два больших балета — «Онегин» и «Укрощение строптивой» — и программу одноактных балетов, среди которых па-де-де «В честь Большого театра» на музыку А. Глазунова.

Обращение театра к русской музыке не случайно. В редакции главного балетмейстера Штутгартского балета Джона Крэнко на сцене театра идут «Лебединое озеро» и «Щелкунчик» П. И. Чайковского, балет на музыку «Поэмы экстаза» А. Скрябина и «Времена года» А. Глазунова.

Интересно, что для постановки «Онегина» использованы в основном фортепьянные произведения П. И. Чайковского, а не музыка оперы «Евгений Онегин». Композитор Курт-Хайнц Штольц, который аранжировал и оркестровал музыку к балету штутгартцев, объясняет это тем, что он стремился «облечь драматический замысел в масштабные формы. С одной стороны, эти формы должны были обеспечить развитие сюжета, а с другой — включить короткие музыкальные номера, на которые легко ставить танцы».

На гастроли в Советский Союз Штутгартский балет приехал в самом представительном составе. Главные партии танцуют ведущие солисты труппы Марсия Хайди, Биргит Кайл, Джудит Рейн, Эгон Мадсен, Ричард Крэган, Хайнц Клаус, Ян Стриплинг и другие известные танцовщики ФРГ.

Б. ОСТРОВСКИЙ

На снимке: Марсия Хайди и Ян Стриплинг в балете «Онегин».

РАССКАЗЫВАЕТ ВЛАДИМИР САМОЙЛОВ

— С ранних лет Нариман Нариманов видел рядом с собой человеческое горе. Страстное желание помочь людям стало движущей силой, программой жизни моего героя,— говорит артист.

Мы беседуем с ним о работе над новым фильмом «Звезды не гаснут» — так называется картина о Нариманове, созданная на студии «Мосфильм» режиссером Аджаром Ибрагимовым; она является как бы продолжением, развитием темы, начатой в «26 бакинских комиссарах», темы, позволяющей сказать в киноповествовании свое творческое слово о жизни народов-братьев, о праве каждого народа на свободную, новую жизнь.

Роль Шаумяна в «26 бакинских комиссарах» с успехом исполнял народный артист РСФСР Владимир Самойлов. В фильме «Звезды не гаснут» он создал образ Наримана Нариманова, емкий, запоминающийся, удивительно человечный.

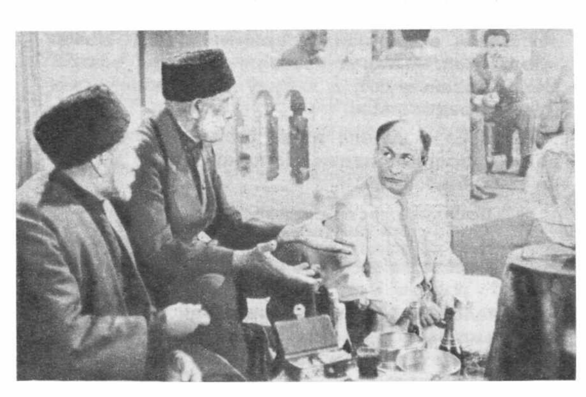
— Как-то так случилось,— рассказывает Владимир Яковлевич Самойлов, — что основной задачей в моей актерской судьбе стали персонажи исторические. В самом деле, вот мои герои: Иван Грозный и Богдан Хмельницкий, Коперник и Борис Савинков, Подвойский и Шаумян... Необходимость всегда очень внимательно изучать события прошлого, скрупулезно знакомиться с историческими документами стала для меня настоящей потребностью. Наверное, благодаря тяготению к образам истории, к исторической правде мне смогли поручить даже создание образа Владимира Ильича; я горжусь тем, что играл в театре роль Ленина.

Для работы над новыми историческими материалами, с которыми оказались вплотную связаны роли Шаумяна и Наримана Нариманова,— продолжает В. Самойлов,— мне пришлось снова вернуться к документам прошлого. И с каким же огромным интересом я изучал, к примеру, письма Шаумяна к сыну, где с необычайной яркостью выражена глубина большого сердца, удивительный характер этого человека, огромная духовная его наполненность...

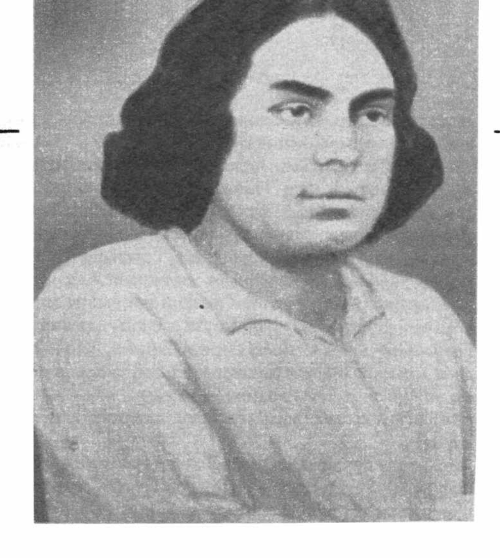
Точно так же я отыскивал и черты легендарного облика Наримана, «вычитывал» их между строчками его пьес и рассказов, которые удалось раздобыть в русском переводе.

Очень помогли мне в работе над новой ролью и встречи в Астрахани, где шли съемки «Звезд». Встречался с людьми, видевшими и помнящими Наримана, знавшими его лично... Все это вдохновляло, давало пищу воображению... Да и вся работа с народным артистом Азербайджана Аджаром Ибрагимовым доставила творческую радость. Я вижу, какое огромное значение имеет для художника любовь к своему народу, стремление рассказать о нем людям, тот патриотический огонь, которым всегда должны быть освещены картины великого революционного прошлого.

Н. ЗЫБИНА

В роли Наримана Нариманова В. Самойлов.

Назрул Ислам — крупнейший современный поэт Бенгалии — родился в 1899 году. Созданные им революционные гимны, поэмы, лирические стихотворения завоевали народное признание и сыграли огромную роль в формировании национального самосознания бенгальского народа.

В республике Бангладеш Назрул Ислам признан корифеем новой бенгальской поэзии вслед за Рабиндранатом Тагором. Многие его произведения, ставшие народными песнями, сегодня звучат на улицах освобожденной Дакки.

ИДУЩИМ ВПЕРЕДИ

Сыны земли и солнца, в битву — смело,
настало время для святого дела!
Скорее в путь, дорога далека.
У бога Шивы — огненные стрелы.
У нас с тобою — молот и кирка.
Оружие возьми, мой брат достойный.
В лицо ударил ветер беспокойный.
Сплоченным строем, молодость, шагай!
Мы мир спасем и обуздаем войны.
Зерно посеем — будет урожай.
Сквозь стены дней, бессмысленных и плоских,
я слышу вашу яростную поступь.
Вы знамя человеческих надежд.
Идете вы сквозь мир чужой и пестрый,
не зная страха, не боясь невежд.
Пускай теряют дряхлые народы
свои знамена, пусть призыв свободы
для них, недвижно спящих, звук пустой.
Раскалывая толщу непогоды,
нам светит слава огненной звездой.
Проложим через прошлое дороги,
увидим солнце на своем пороге,
и гимны на заре провозгласим,
и старый мир измерим взглядом строгим,
ему на смену новый создадим.
Мы разольемся по земным равнинам,
по горным тропам, джунглям и долинам,
проникнем в море, к тайным чудесам,
поднимемся к заснеженным вершинам,
подарим влагу высохшим лесам.
Мы наводненьем бурным разольемся,
в земные недра яростно пробьемся,
пройдем дорогой в щебне и пыли
к алмазам, что горят светлее солнца
и прячутся под сердцем у земли!
Дорогой обновленного Востока
мы движемся безудержней потока,
и содрогается земная грудь.
Мы слышим вой, рычание и клекот —
нам все на свете уступает путь.
Народы мира, мы в долгу пред вами.
Вы кровь свою бесстрашно отдавали
за нас, не помышляя о себе.
Оплатим долг отважными делами.
Мы братья не по крови — по борьбе.
Друзья мои, сорвавшие оковы,
увидя вас, я молодею снова,
и в сердце, что избавилось от пут,
стучится ваше огненное слово
и лотосы пьянящие цветут.
Дверь открывайте в будущее силой,
не просьбой, не молитвою унылой.
Смелее в битву, гордые сыны!
Вы, храбрецы, оплот отчизны милой,
грозней, чем разъяренные слоны.
Там, позади,— гниющих свалок пятна,
шакалы воют, коршуны невнятно
клекочут, жизнь отвратна и душна,
и люди прошлого зовут обратно
вернуться в смрад, в слепые времена.

СОЛНЦЕ НА ПОРОГЕ

Назрул ИСЛАМ

Туда, где правда неподвластна тлену,
где новые бойцы встают на смену
погибшим! В схватке место ты найдешь!
Клеймя презреньем трусость и измену,
неси бессмертный факел, молодежь!
Пусть в мертвых жилах дремлющего мира
забьется кровь, и смерть промчится мимо,
пусть рухнет ночь, и зазвенит восход.
Мы, тысячи, идем неотвратимо
за миллионы страждущих вперед!
Вы с нами, те, которых оттолкнули
от благ земных. Ты с нами, нищий кули
и пахарь, налегающий на плуг.
Мы горемыки. Мы ряды сомкнули,
чтобы разрушить мир господ и слуг.
Вы с нами все: влюбленные, чьи лица
в слезах разлуки, узники в темницах,
невольники, рожденные в тюрьме.
Пора воспрянуть и освободиться!
Мы все — друзья и братья по борьбе.
Вставайте, нищие! Идите с нами!
Под факельными желтыми огнями
пойдем на приступ яростным рывком!
Пусть будет грудь прострелена, как знамя,
а сердце запылает маяком!
В путь, молодые дочери рассвета!
Вы с нами — это добрая примета.
Свободные, вставайте в первый ряд.
Пусть колокольчики ножных браслетов
в колоннах наших громче зазвенят!
Идущий к нам пустынник одинокий!
Нам стали ближе и роднее строки,
что ты слагаешь. Приходи сюда,
и смело влейся в наш поток широкий,
и с нами оставайся навсегда.
Мы больше не хотим речей бесплодных,
словес елейных, внешне благородных.
Отбрасываем прочь уют чужой —
приют подушек мягких, книжек модных —
всей роскоши, бездушной и гнилой.
Обжоры, что весь мир готовы слопать,
в котел ручищи сунули по локоть
и сами все сжирают. Что им грех?
Что нам их изворотливость и ловкость?
Мы хлеб свой делим поровну на всех.
Ночь приняла нас в черные объятья.
Ты говоришь: «Устал вперед шагать я».
Присядь на час и отдохни слегка,
но, отдыхая, помни: ждут собратья
и цель неколебимая близка.
Я слышу голос: возвещают трубы
восход зари. Нам дороги и любы
ее лучи, что режут небосвод.
Сквозь этот мир, безжалостный и грубый,
в поход за справедливостью, вперед!

ОДИНОКИЙ ОСТРОВ

Зачем же ты построил дом один, вдали от всех,
на дальнем острове пустом, один, вдали от всех,
среди сыпучего песка, среди печальных вод,
где только горькая тоска вдвоем с тобой живет?
По небу молнии летят, мрачнеют облака,
и гром, как разъяренный слон, трубит издалека,
и падает, как слезы, дождь на голову твою,
и горестно глотаешь ты холодную струю.
Покинь свой дом и уходи скорей, товарищ мой,
пока надежда впереди, скорей, товарищ мой,
оставь свой одинокий дом и остров позабудь.
Сквозь ливень, молнии и гром спеши в далекий путь.
Тяжелый якорь подними и выкинь старый хлам,
поставь свой парус — и вперед, в дорогу по волнам,
и посмотри в последний раз на опустелый дом,
и слушай, как шумит волна, рокочет за бортом.
Не ожидал ты перемен в безмолвии, в тиши,
вдали от бури и тревог берег покой души.
Ты строил безмятежный дом, где нежен мягкий свет.
Но буря в сердце ворвалась, и отступленья нет.
Покинь свой дом и уходи, не для тебя покой,
и тишина не для тебя, и этот дом не твой.
Тебе ли жить на островке средь маленьких забот,
когда в дорогу океан торопит и зовет?
Покинь свой дом и уходи, сомнения оставь,
и ни о чем не сожалей, и прямо в море правь.
Ты оставляешь позади тоску и суету.
А все, чем нужно дорожить,— с тобою на борту.
Плыви, смелее становись к штурвалу корабля.
Плыви, маячит впереди надежная земля,
где братья ждут тебя давно на берегу крутом,
где будет выстроен для всех просторный новый дом!

НАДЕЖДА

Быть может, я тебя найду за дальним горизонтом,
где наклонились небеса над кронами деревьев.
Быть может, я тебя найду одну в саду зеленом,
среди цветов, среди плодов, в заброшенной деревне.
Быть может, я тебя найду на поле опустелом,
у тихой заводи пруда, что дремлет, недвижимый.
И ты придешь меня обнять объятьем неумелым,
и улыбнешься, и вздохнешь, и скажешь: «Мой любимый!»
И в наступившей тишине сплетутся наши руки,
и пусть горят твои глаза и щеки розовеют.
Пусть теплый ветер налетит и память о разлуке
из сердца вырвет моего, по воздуху развеет.
Но нет тебя, и я стою под солнцем раскаленным
и в одинокий этот мир я вглядываюсь зорко.
Быть может, я тебя найду за лесом отдаленным?
Быть может, я тебя найду за дальним горизонтом?

ПРОСНИСЬ, МОЙ СЫН

Проснись скорее, милый, открой глаза, мой сын.
Уже стучится в двери раскрывшийся жасмин.
Ночные тени гаснут, слабеют духи зла.
В малиновой сорочке рождается заря.
Лучи струятся с неба серебряной рекой.
Бледнеющие звезды уходят на покой.
За окнами смеются дневные голоса.
Проснись скорее, милый, скорей открой глаза!
Проснись — увидишь сказку взаправду, наяву.
Гирлянда птиц шумливых украсила листву.
В голубизне бесследно исчезли облака.
Распахнутое небо прозрачней родника.
Последний сон растаял — раскрой глаза свои.
Не ведая покоя, смеются соловьи.
Цветы, благоухая, толпятся у дверей,
тебя зовут, мой мальчик, открой глаза скорей.
Вставай! Уже под солнцем рассеялась роса.
Плывут по океану большие паруса.
Вставай, и ты увидишь, как медленно вдали,
почти у горизонта проходят корабли.
Вставай скорее, смуглый, румяный мой малыш.
Пускай никто не скажет, что ты так долго спишь.
Вставай! Проснулись джунгли, воркуя и трубя.
Вставай! Хохочет солнце, приветствуя тебя.
Твои — земля, и небо, и океана гладь.
Давно пора проснуться, давно пора играть!
Веселые затеи толпятся за дверьми.
Открой глаза скорее, ресницы подними.
В малиновой сорочке рождается заря —
лучи тебя коснулись, лаская и зовя.
К тебе стучится в двери раскрывшийся жасмин.
Вставай скорее, милый, открой глаза, мой сын!

Переводы Михаила Курганцева.

ВОЗВРАЩЕ

Юрий ПРОКУШЕВ

Осень 1923 года. Есенин вновь на родной земле. «Доволен больше всего тем, что вернулся в Советскую Россию»,— писал он вскоре после приезда из-за границы. Мать поэта Татьяна Федоровна вспоминает, с какой радостью возвратился Есенин из поездки в чужие страны. «Видно,— замечает она,— ему не было никакой утехи от иностранных земель. «Только в России дышишь по-настоящему»,— помню, говорил он».

Все, кому в ту пору приходилось встречаться с Есениным, подмечали, как теперь особенно пристально всматривался поэт в жизнь, в те преобразования, которые произошли на его родной земле за время его заграничных странствий.

Из Америки, замечает по этому поводу Маяковский, Есенин вернулся «с ясной тягой к новому». Утратили во многом для поэта интерес и его прежние литературные связи. «Мне кажется,— замечает справедливо один из современников поэта,— что Есенин, изъездив Европу и Америку, начал задыхаться в узком кругу имажинизма».

Решающим и определяющим фактором «перелома» настроений Есенина явились те огромные революционные изменения и социальные сдвиги, которые происходили на родине поэта. Русь Советская залечивала раны войны и разрухи. Многие из противоречий, которые еще недавно казались неразрешимыми, отошли в прошлое.

Есенин все больше пытается понять, осмыслить все, что происходит в эти годы в России, во всем мире. Расширяются горизонты, масштабы его поэзии. Сама жизнь, советская действительность все убедительнее отвечали на вопрос, еще совсем недавно так мучительно волновавший поэта: «Куда несет нас рок событий?»

Все это находило отражение в творчестве Есенина. Тема деревни, судьба русского крестьянства в революции, которая временами, как это было в «Сорокоусте», принимала в стихах поэта трагическую окраску, теперь получает исторически верную идейно-художественную трактовку; исчезают и мотивы противопоставления города деревне. На смену приходит другое: все более ясное понимание поэтом того, что нет единой Руси крестьянской, что в деревне, как и повсюду, явственно обозначились Русь Советская и Русь уходящая. Каждый раз, бывая в родном селе Константинове, Есенин явственно ощущает это. Поэт видит, как в жизнь его односельчан стремительно врывается советская новь, несовместимая со всем старым, патриархальным укладом крестьянской жизни. И все, что он видит, чувствует, переживает, о чем беседует с односельчанами, с родными и близкими,— все это находит художественное преломление в его стихах.

Поэт радуется добрым переменам, которые происходили в жизни русского крестьянства. «Знаешь,—рассказывал Есенин писателю Юрию Либединскому,— я сейчас из деревни... А все Ленин! Знал, какое слово надо сказать деревне, чтобы она сдвинулась. Что за сила в нем, а?»

Приметы нового встречают поэта в родном селе буквально на каждом шагу: и на деревенской улице, где у волисполкома мужики «корявыми, немытыми речами... свою обсуживают жись», и где под вечер «хромой красноармеец» рассказывает бабам «важно о Буденном, о том, как красные отбили Перекоп», и за околицей села, где «крестьянский комсомол» задорно поет «агитки Бедного Демьяна», и в отцовском доме, где «на стенке календарный Ленин» и где сестра поэта, шустрая девчонка-комсомолка, по-взрослому беседует с ним, «раскрыв, как библию, пузатый «Капитал».

Тема двух Россий — уходящей и советской,— уже ясно обозначенная Есениным в «Возвращении на родину», получает свое дальнейшее развитие в его «маленьких поэмах», названия которых — «Русь Советская» и «Русь уходящая» — полны глубокого внутреннего смысла. Эти «маленькие поэмы», емкие и масштабные по мысли, воспринимаются как эпические произведения большого общественно-социального накала и вместе с тем как глубоко личный исповедальный рассказ поэта о самом дорогом и близком, волнующем его, а вместе с ним и нас.

Уходящая Русь для поэта — это и его дед и мать, а Русь Советская — это и его сестры-комсомолки. Их личные судьбы неотделимы от событий, происходящих в родном селе, и отнюдь не случайно поэт подмечает, что

Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Далек теперь поэт и от прославления мужика вообще. Более того, радуясь добрым переменам, принесенным Советской властью в деревню, Есенин, особенно в «Руси уходящей», с явной тревогой и озабоченностью говорит о тех крестьянах, которые пока лишь «тянут в будущее робкий взгляд» и общественный интерес которых зачастую ограничен лишь заботами о хлебе насущном:

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит оголь.
«С Советской властью жить нам по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий? —

с грустной, нескрываемой тревогой замечает поэт. А вместе с тем он видит, что «новый свет горит другого поколения у хижин», что

Другие юноши поют другие песни...
Уж не село, а вся земля им мать.

Много сложного, противоречивого в жизни деревни открывается перед взором поэта. Буквально на каждом шагу новое, советское сталкивается со старым, с патриархальными привычками, с крестьянской психологией, складывавшейся веками. Не просто во всем этом разобраться, а главное, рассказать в стихах.

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

В «Руси Советской», «Руси уходящей», «Возвращении на родину» за каждым конкретным эпизодом и событием, о которых повествует автор, встает в борении и «кипении жизни» вся страна. Какова же в этих «маленьких поэмах» общественная, гражданская позиция Есенина? Что его особенно волнует? Чувства, мысли автора в «маленьких поэмах» предельно искренни и правдивы. Вместе с тем они сложны, противоречивы, как сама жизнь, действительность, окружающая поэта:

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен.
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирев.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Так за внешне обыкновенным, традиционным сюжетом возвращения героя в родное село после странствий по миру в «маленьких поэмах» Есенина новаторски раскрывается тема России. Многогранный, художественно емкий образ Родины в них исторически конкретен и наполнен большим социальным содержанием. Здесь и критический взгляд в прошлое Руси и вера в силы Руси настоящей, в ее завтра, в ее будущее. Вспомним, что даже в «Руси уходящей» с особой силой звучат строки, устремленные в будущее, ставшие, по сути дела, своеобразным рефреном этой «маленькой поэмы»:

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Если бы Есенин ничего не написал, кроме «Руси Советской», «Руси уходящей», «Возвращения на родину», то и тогда имя его, несомненно, вошло бы навсегда в историю отечественной литературы.

Однако известно, сколь творчески плодотворными были для Есенина последние годы его жизни, когда с особой художественной силой и полнотой раскрылся талант великого поэта. Все зримее, исторически конкретнее представляются теперь Есенину события октябрьской эпохи. Все чаще об этом говорит он с радостью в стихах:

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Все слитнее, нераздельнее становится в произведениях поэта, посвященных эпохе Октября, пафос историзма и революционной романтики.

Давно ли «последний поэт деревни» в некоторых своих стихах «проклинал» город, видя в нем лишь первопричину всех извечных страданий и несчастий мужика: «Город, город! Ты в схватке жестокой окрестил нас как падаль и мразь»; давно ли с тревогой писал о том, что «каменные руки» города — шоссе — «сдавили за шею деревню». И вот теперь все эти тревожно-трагические раздумья и мысли как бы оказываются в прошлом. Более того, поэт слагает свой «новый вольный сказ», главный герой которого славный «Питер-град», героически защищающий от врагов революции «Октябрьский свет» победы.

* * *

Июль 1924 года. Есенин в Ленинграде. В городе, где когда-то к нему в юности так стремительно-сказочно пришла литературная слава, где он встречался с первым поэтом России — Блоком и великим Горьким; в городе, где и его, Есенина, как когда-то Пушкина, восхищало «Невы державное теченье» и волновала, притягивала к себе, будоража ум и сердце,

НИЕ НА РОДИНУ

величественно-загадочная фигура Медного всадника — Петра; в городе, где он, Есенин, в феврале семнадцатого года стал свидетелем последних дней последнего российского монарха, а в Октябре вместе с Блоком и Маяковским всем сердцем слушал «музыку революции» — грозные, могучие, набатные залпы «Авроры».

Сейчас и этот город и все, что связано с ним, поэту были особенно дороги. Напряженно трудится он в Ленинграде над новой поэмой — «Песнью о великом походе». «Я очень сейчас занят, — сообщает он Г. А. Бениславской в письме из Ленинграда 15 июля 1924 года. — Работаю вовсю, как будто тороплюсь, чтоб поспеть». Закончив поэму, Есенин датирует ее: «Июль 1924 г. Ленинград». Работу над ней он продолжает и после того, как отдал ее в печать. В августе Есенин находится в родном селе. Отсюда, из Константинова, он отправляет письмо в Ленинград, в котором просит «передать Майскому (редактору «Звезды». — **Ю. П.**), чтоб он обождал печатать поэму до моего приезда, так как я ее еще значительней переделал». Есенин вносит в «Песнь» все новые и новые поправки, стремясь к наибольшей художественной выразительности и исторической точности каждой строфы поэмы, каждой ее строки. Ряд исправлений и уточнений в тексте поэмы Есенин сделал, находясь осенью 1924 года на Кавказе, уже после того, как «Песнь о великом походе» была напечатана впервые в одном из сентябрьских номеров газеты «Заря Востока». «Сейчас он (Есенин. — **Ю. П.**) в Тифлисе... Прислал кое-что из новых стихов. Прислал исправленную «Песнь о великом походе». Просит поправки переслать Вам», — писала 13 ноября 1924 года Г. А. Бениславская в Ленинград поэту В. И. Эрлиху. По свидетельству той же Г. А. Бениславской, «Песнь» восторженно встретил массовый отдел крестьянской литературы Госиздата, и вещь была передана туда.

Эпоха Петра и эпоха Октября — к ним прежде всего приковано внимание поэта в двух «сказах» — двух частях поэмы.

«Мы (то есть народ. — **Ю. П.**) всему цари» — эта ведущая идея первого сказа получает художественное воплощение в образе «рабочего люда», построившего «средь туманов сих и цепных болот» «Питер-град». Те, кто строил город, погибли, «на их костях лег тугой гранит». Когда читаешь эти сурово-скорбные строки есенинской «Песни» о городе, который когда-то ради «знати со министрами» был выстроен «на крови» народной, вспоминаешь также правдиво-трагические строки некрасовской «Железной дороги»: «а по бокам-то все косточки русские...»

Но рано или поздно наступает возмездие. Вот почему всесильный царь Петр «жить не рад». По ночам ему «снится сгибший... трудовой народ»:

Мы всему цари!..
Мы придем еще,
Мы придем, придем!
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд...

И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд».

Так эпически широко, в большой исторической перспективе раскрывается в «Песни» революционная тема «великого похода». Она складывалась, выкристаллизовывалась идейно и художественно в творчестве Есенина исподволь, начиная с его юношеских стихов и поэм, в которых он обращается к героическим страницам русской истории. Вспомним «Песнь о Евпатии Коловрате», где семнадцатилетний поэт смело, по-своему изображает «хороброго Евпатия» как народного героя, вспомним вольнолюбивую есенинскую «Марфу Посадницу», в которой призыв Марфы к новгородцам — подняться всем против московского царя — звучал в годы первой мировой войны настолько современно, что царская цензура запретила печатать эту поэму; вспомним стихотворение «Ус», герой которого, сподвижник Разина — казачий атаман Василий Ус, — мечтает: «Соберу я Дон, вскручу вихорь, полоню царя, сниму лихо».

«Поэма о великом походе Емельяна Пугачева» — такое название первоначально дал Есенин своей драматической поэме «Пугачев». И дал далеко не случайно. Буря крестьянского гнева и ненависти к царизму, поднявшаяся в дни Пугачевского восстания, заставила содрогнуться и закачаться от страха народного возмездия «всю империю». Пугачевское движение действительно имело народный характер и было великим для своего времени. Вместе с тем и отказался в окончательной редакции от первоначального названия поэмы Есенин, как нам представляется, тоже далеко не случайно. Все более очевидным становится для поэта, что подлинный Великий революционный поход народов России начался в те исторические дни семнадцатого года, когда «в снеговой октябрь затряслась Нева, подымая рябь». Именно так видится теперь Есенину тема «великого похода»; так он решает ее, как художник, в своей «Песни о великом походе». Образ «Руси Советской», народы которой в «великом походе» отстояли завоевания Октября от врагов революции, — главный образ второго «вольного сказа», по существу, является центральным образом всей «Песни»...

Во втором «вольном сказе», как и в первом, основные события развертываются в «Питер-граде» в те тревожные дни, когда над городом революции нависла смертельная опасность:

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней. Не спит.
Миг — и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай мечта
Городов и сел...

Питерские рабочие, деды и прадеды которых гордо утверждали: «Мы всему цари», — как один поднялись на защиту завоеваний революции. В первых рядах были те, кто:

В куртках кожаных,
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад,
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

Казалось, что не хватит сил, что враг вот-вот победит и опять «всем весь век... в нищете корпеть». И тогда поднялся «в куртке кожаной коммунар». Он сказал о том, что было главным для всех и каждого из бойцов, и сказал об этом по-ленински правдиво, взволнованно и сердечно:

Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.

Опасность была действительно велика, и не только для «вольного Питера-града». В «Песни» об этом говорится с неподдельной тревогой. Со всех сторон идут войска расправиться с властью Советской: «и Врангель тут, и Деникин здесь», на помощь им «из Сибири шлет отряды адмирал Колчак», а «за синим Доном» точит зубы «волк-ехидный» — генерал Корнилов.

Но неудержимой лавиной обрушиваются на врага красные конники, как вихрь, летят по степи знаменитые буденновские тачанки. А после боя, на привале, в минуты короткого отдыха, кто-то из бойцов под звонкие переборы видавшей виды тульской трехрядки озорно выводит слова лихой частушки:

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.

Удивительно красочна, богата и многоголоса ритмически есенинская «Песнь». Только что отзвучали слова хлесткой, сатирической частушки. И вот уже выплеснулась из сердца поэта чудесная, наполненная задушевным лиризмом колыбельная песня, которую он слагает в честь бойцов «красного стана»:

Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

Кажется, что сам народ сложил и эту «колыбельную» и всю «Песнь», написанную Есениным на одном дыхании. Трудно назвать другое произведение Есенина, где бы его поэтическое «я» было так же нераздельно слито с голосом восставшего народа.

С особой художественной силой и драматизмом рассказывает поэт о решающем победном сражении красных с белыми. Этот кульминационный эпизод в «Песни» предельно конкретен, реалистичен. В нем много запоминающихся деталей и выразительных моментов боя. Мы почти физически ощущаем картину напряженнейшей, смертельной схватки с врагом, и вместе с тем эти батальные реалистические сцены овеяны пафосом революционной романтики. Вновь в этом эпизоде поражает ритмическое богатство «Песни». То в звучании ее строк мы как бы слышим посвист пуль; то напряженное, прерывающееся дыхание идущих в атаку красноармейцев; то «Песнь» звучит как плач народный, то как торжественно-траурный реквием.

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной пруд,
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.
. . . .
Вот и кончен бой,
Машет красный флаг...

Предельно правдива, впечатляюще зрима, удивительно многолика и масштабна картина гражданской войны, воссозданная поэтом.

«Песнь о великом походе» Есенина мы смело можем отнести к тем поэтическим произведениям, где дух революционного времени, дух эпохи гражданской войны «схвачен» и передан с подлинно эпической художественной силой.

КТО ДОБУДЕТ ЗВЕЗДУ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Николай **РОДИЧЕВ**

Пожалуй, каждый из нас в разных обстоятельствах слышал эту фразу, обращенную к другу или знакомому: «С неба звезд он не хватает, но...» И тем не менее век наш поистине отмечен дерзаниями миллионов людей, о которых не можешь не сказать: если потребуется, то они и звезду добудут!..

Землян охватила лихорадка открытий. Электронные машины не успевают регистрировать и давать характеристики важнейшим из них. Статистика называет астрономические цифры изобретений — четыреста пятнадцать тысяч в год!.. Теперь каждое сколько-нибудь уважающее себя предприятие содержит бюро технической информации.

Открытий много — технический прогресс неумолим: промышленность развивается, ей, как человеку кислород, необходимо движение в неизведанное, требуется завершение того, что было не завершено вчера, сегодня...

Шествие человечества в неизведанное обретает все больший размах. Кто добудет звезду?

Творческий поиск, дерзание! Они вошли в нашу жизнь — и старых и молодых... Инженер, отдавший всю энергию этим самым поискам, завернул в конце дня в магазин детских игрушек... Куклы, матрешки... Но глаз невольно тянется к рогатулькам, взметнувшимся над капотом чудной машины, которая, черт ее подери, натыкаясь на препятствие, сама дает задний ход, шевеля рогатулькой, сама объезжает препятствие. «Здесь что-то есть,— шепчет, позабыв о надоевших за день движущихся механизмах, инженер,—Вовке это понравится!» И Вовка, а там и соседская Аленка рады покупке до крика, мечутся за «умной» машиной, сыплют вопросами. А там, глядишь, прилаживают к рогатульке свое какое-то устройство, оставшееся от поломанной забавки,— конструируют нечто только им известное.

Теперь скажите, читатель, уставший от уличного автомобильного гула или от морской качки на пароходе, от рокота компрессора на стройке... Сможете вы пройти без улыбки мимо вот этого, занятого сооружением океанского лайнера, круглолицего бутуза с цветной фотографии? Не задумаетесь ли: как сложится судьба мальчика? Над его вихрастой головой, на разноцветной трубе лайнера, покамест доступная, чтобы потрогать рукой, поблескивает нарисованная им самим з в е з д а! Кто знает, может, она так и останется единственной звездой на самом первом сооружении, сработанном собственными руками. А может, это только первая из числа тех, что будут добыты им? Бутуз, попавший в объектив фотоаппарата,— воспитанник Пермского яслей-сада Рома Черныш. Ему только пять, но это, по заверениям заведующей садиком Лидии Ивановны Кудрявцевой, серьезный гражданин, иногда даже слишком серьезный — сразу ощетинится, если кто-нибудь помешает ему довести начатое сооружение до конца. Его отец — заводской конструктор. Яблочко не упало далеко от яблоньки. Не будем мешать Роме. Впереди у него много дел, впереди жизнь! Пусть разгорается ярче его звезда, водруженная над вихрастой головой.

...Наш век именуют космическим, но мы-то знаем, что далеко не всем жителям и века XXI выпадет счастье побывать среди звезд, притронуться к своей, намеченной еще на Земле. И все же мне довелось повстречать в жизни много наших современников, которые на вопрос «Можно ли снять с неба звезду?» не скребли с усмешкой в затылке и не разводили руками, а отвечали гордо: «Попробую!»

На мысль о возможности преодолевать невозможное, образно говоря, снять звезду, меня навела памятная встреча под землей, где не то что звезды, а и смутного солнечного луча летним днем не увидишь.

Это случилось на Ново-Горловской шахте № 8 в пору, которую я обозначаю для себя эпохой Сергея Артемчика. Он из Белоруссии, сын потомственных крестьян. Отслужив действительную уже после войны, приехал на шахту. Долго ли осваивал подземное ремесло, откуда у него обнаружилась горняцкая хватка — парень не любил рассказывать. Времена это были уже не те, когда при помощи мускульной силы и сноровки можно было дать за смену четырнадцать норм. В подземелье, кроме крепких рук, требовались техника, смекалка, техническая грамотность. Существовал на шахте и некий рекорд — восемь норм на каждого горняка бригады. Это был рекорд Сергея Артемчика.

И вот мы с Сергеем идем по штреку, спускаемся по стойкам вдоль круто падающего пласта. Расставив шахтеров бригады по уступам, Артемчик взялся за свое пневматическое устройство, при помощи которого он пронзал еле заметные трещинки в пласте и обрушивал вниз черные глыбы. Вдруг Сергей выключил пневмомолоток, махнул мне рукой, и мы заскользили по мокрым распоркам вниз, остановились у некоего лаза, перегороженного двумя горбылями, напоминавшими скрещенные кости на устрашающей эмблеме...

— Здесь очень опасно! — проговорил Артемчик.— Заброшенный пласт.

Прислушавшись, не ходит ли кто поблизости, горняк отодрал топором один горбыль и нырнул в пролаз. Подземный путь нам преградила стена. Это был почти двухметровой толщины в общем-то не начатый мощный пласт первоклассного угля. Настоящая подземная кладовая! Я протянул руку, чтобы потрогать шероховатую, мерцающую поверхность пласта, но Артемчик остановил: «Может быть выброс метана! Не дается нам покамест «Алмазный». В ту минуту я понял, что здесь, у сверкающего блеском драгоценных камней тупика шахты, проходит передний край постоянно действующего фронта науки и техники. Мы осторожно ушли от «Алмазного» пласта, снова заколотив ход к нему горбылями. Позже я узнал, что скаредный пласт был покорен. И навсегда запомнилось мне запрокинутое худощавое лицо шахтера, одухотворенное жаждой проникновения в неизведанное, запомнились глаза его — они тоже светились алмазами.

Сейчас я смотрю на лица юных пермяков на цветных фотографиях и нахожу нечто общее с выражением лица знаменитого горняка Сергея Артемчика. Та же одухотворенность взгляда, то же напряжение воли, собранность мысли, будто перед прыжком в непознанное. Еще миг, и придет в движение вся система для тренировки трассовых моделей, выполненная руками учащихся местных школ, чей досуг проходит в кабинетах областной станции юных техников! Еще миг, и вспыхнут сигнальные огни! Покорные воле юных мастеров, двинутся в рейс модели автомашин. Ребятам, небось, уже мнится вся эта система скрещенных трасс в глобальном масштабе, быть может, на иной планете, ими открытой и освоенной для жительства... А сколько споров и сомнений, сколько смелых проектов, радостей и огорчений пережито начинающими конструкторами за долгие дни и часы, пока все это обрело свою форму, ожило, задвигалось, заиграло огнями! Зато сделано своими руками! Техническим творчеством в городе занимаются шесть тысяч энтузиастов.

Пермские студенты, как и полагается людям более солидным по возрасту и подготовленным теоретически, заняты решением задач куда более весомых. Эти уже не удовлетворятся занятиями с моделями. Их страсть — автоматика. На производстве, в быту, в спорте... Услышали о том, что залы шахматных клубов еще не имеют устройств для автоматической регистрации шахматных ходов, удивились, восприняли как укор себе. Особенно сильно это «задело» Лиану Трифонову, Веру Климантович, Сашу Якубова... На снимке мы их видим в час сложной проверки — идет опробование варианта такого устройства, предложенного студентами кафедры экспериментальной физики. Трудно сказать, успеют ли они отработать все узлы своего аппарата ко времени близкого сражения Спасского и Фишера за лавровый венок чемпиона мира. Но нет сомнения в одном: автоматическое шахматное поле отметит не одну восходящую шахматную звезду.

Армия юных энтузиастов технического творчества! Можно подсчитать, сколько тысяч бойцов в этой армии, но не поддается никаким измерениям их энергия. Практическая польза от их поис-

Кто там мешает мне установить штурвал!

На развороте вкладки:

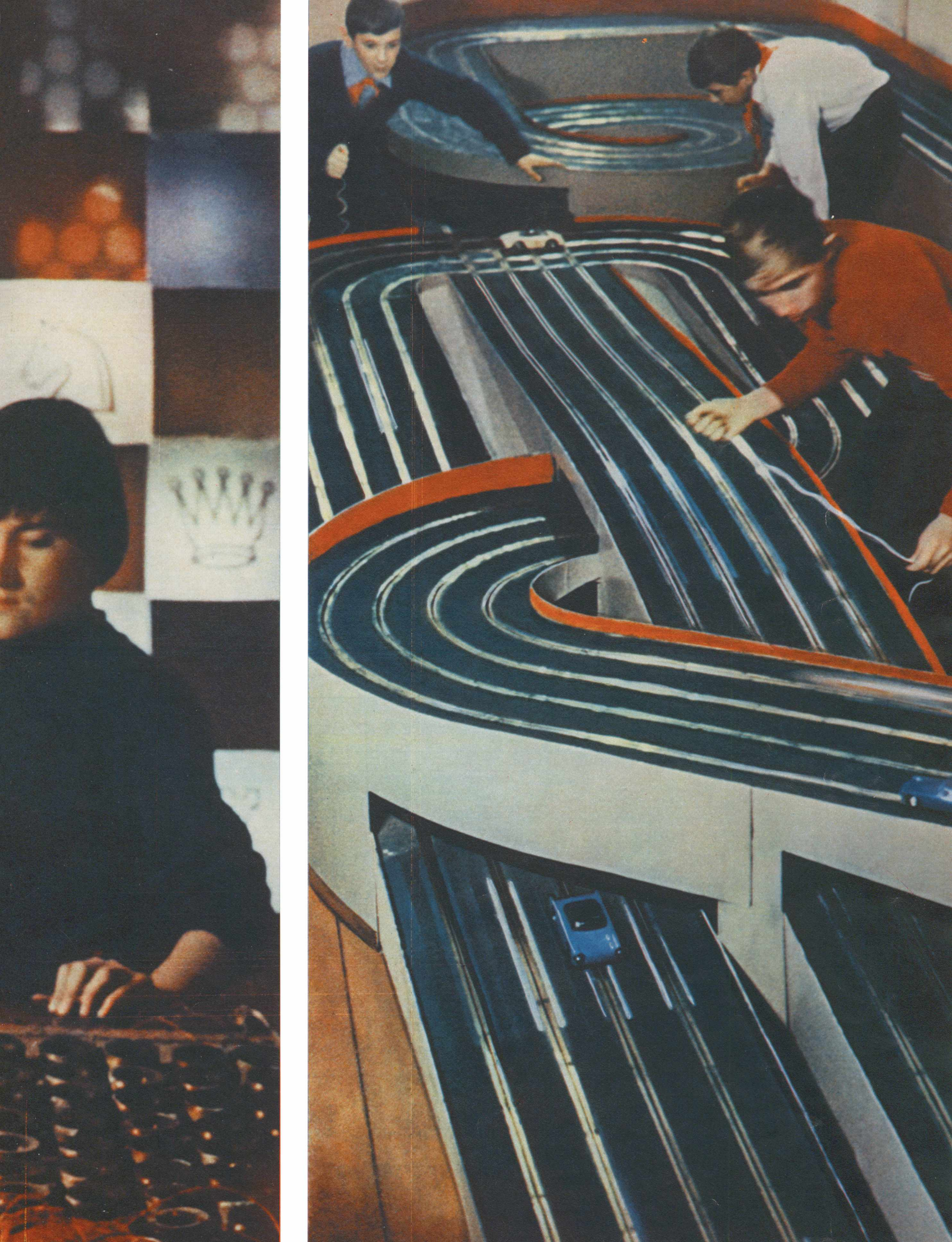
— Хорошо бы успеть к чемпионату мира по шахматам.

— Модели уже на линии!.. Соединяй проводки... Включаю!

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ков и свершений покамест лишь в том, что ребята прикипают душой к будущим своим профессиям. На свои нынешние модели ребята завтра будут смотреть с грустноватой улыбкой: возраст повлечет к иным свершениям, к иным рубежам. Учиться им есть у кого, здесь же, в родном городе. Только в первые шесть месяцев года минувшего пермяки отослали в Государственный комитет по делам изобретений и открытий сотни заявок на соискание авторских свидетельств на изобретения, имеющие первостепенную важность для современного технического прогресса! Свыше ста умельцев получили такие свидетельства. Второе полугодие, говорят, было еще более урожайным на поисковой ниве!

На карте изобретений и открытий страны за прошлый год отмечено более тридцати тысяч важных покоренных вершин технического прогресса — таков он, гений нашего народа! Один из видных творцов технического прогресса запечатлен на снимке в центре. Это Олег Васильевич Кармальский, уже четверть века работающий на машиностроительном заводе имени В. И. Ленина. Он автор двух принципиальных усовершенствований экскаватора, множества рационализаторских предложений, ему принадлежит крупное изобретение, подтвержденное свидетельством высшего уровня.

...Я смотрю на пермяков и снова вспоминаю Сергея Артемчика. Уезжая из шахтерского города, я спросил у него, смогу ли увидеться с ним завтра в первой половине дня. И в ответ услышал слова, которые ошеломили меня. Спокойно, будто он говорил о какой-то будничной мелочи, горняк сказал:

— Завтра я иду на рекорд...

Вскоре Сергей Артемчик ушел домой, а я еще долго бродил по поселку, сжигаемый любопытством. Мне хотелось увидеть хоть одним глазом, как люди готовятся к подвигу, то есть к рекорду. С досадой на свою застенчивость я поглядывал на окна двухэтажного дома, где жил горняк. Вдруг я увидел Сергея медленно идущим по аллее сквера. Он вел из детсада четырехлетнюю дочку. В негустых ветвях корявых акаций пламенели лучи заходящего солнца. Отец и дочь присели на скамейку. Они вытряхнули из прозрачного мешочка на чистый песок сквера разноцветные кубики и принялись складывать из них... кораблик. И были счастливы, смеялись, вызывая улыбки на лицах прохожих. Я понял, что рекорд состоится, ибо свершениями отцов раздвигаются горизонты будущего их детей, будущего всей страны, а быть может, и человечества.

Вскоре шахтерские газеты вышли под радостными заголовками: «Есть девять норм Сергея Артемчика!».

А кораблик тот — что ж? Он был почти такой, как кораблик Ромы Черныша. Разве что поменьше размером...

Кто знает, о чем задумался Олег Васильевич! Ищет ли промашку в теоретических расчетах или прислушивается к говору ожившей в его воображении готовой машины!

Юрий ЖУКОВ

ПОСЕЩЕНИЕ РАНЧО

Ранчо, ранчо... Услышав это слово, вы напрягаете память, и перед вашим взором встают расплывчатые картинки с полузабытых страниц приключенческих романов: особняк, увитый плющом, пахучие тропические цветы, изумрудные газоны, скачущие на необъезженных конях лихие всадники — какое-то поместье богатого латиноамериканского землевладельца...

Увы, то ранчо, где я побывал, не имеет ничего общего с этой красивой картинкой. Ранчо в Венесуэле — это жалкая, открытая всем ветрам самодельная хижина бедняка, у которого нет денег, чтобы платить за квартиру в настоящем доме. Мрачные, безрадостные поселки из этих кое-как сколоченных хижин, словно соты, слепленные пчелами, окружают плотным кольцом города Венесуэлы, в том числе и ее столицу Каракас, раскинувшуюся среди крутых холмов. Они резко контрастируют с кварталами новых жилых домов, стоящих внизу.

Энергичная венесуэльская журналистка Элизабет Фариа в воскресный день вызвалась показать нам Каракас. Сначала она доставила нас на своем автомобильчике в отдаленный район города, где в новом многоквартирном доме жил с семьей механик текстильной фабрики Педро Гонсалес, активный деятель профсоюза.

Педро и его семья радушно встретили гостей из Москвы. Началась интересная беседа. Механик рассказывал нам о жизни и работе, о борьбе венесуэльских рабочих за свои права, о своей семье, расспрашивал нас о Советском Союзе, о Москве; его жена Рафаэлла любезно угощала гостей душистым кофе; вокруг нас возились четверо черноглазых и черноволосых мальчишек — «наследники Педро», как сказала, улыбаясь, Элизабет, старая добрая знакомая этой семьи.

— Вас, конечно, заинтересовала встреча с товарищем Педро,— сказала Элизабет, энергичным жестом открывая дверцу своего крохотного автомобиля и надвигая на нос большие черные очки, защищающие глаза от беспощадного экваториального солнца.— Это настоящий рабочий-революционер. Но я, дорогие коллеги, заметила одно упущение: хотя вы беседовали с ним долго, но один и притом очень важный вопрос остался невыясненным.— Элизабет решительным жестом включила зажигание и дала газ.— Я имею в виду вопрос о том, как живет подавляющее большинство пролетариев Венесуэлы. Вы должны знать, что в таких домах, как тот, в котором мы только что побывали, рабочих очень мало. Они не здесь, а вот там.— Элизабет сердито ткнула рукой в окошко автомобиля, указывая на крутой холм, по склону которого лепились ранчо.— Я повезу вас туда к моим знакомым.

Мы отправились в путь. Элизабет спокойно и ловко лавировала в потоке пышущих жаром и синими облаками бензинного перегара американских стальных чудовищ, густо толпящихся в просторных улицах Каракаса, где порой машины идут в восемь рядов. Мы проезжали районы новой застройки. Там стояли такие же современные дома из сборного бетона, какие увидишь нынче повсюду.

— Вы слыхали о Банко Обреро?— спросила Элизабет.

Да, мы слыхали об этом банке. Мы уже знали, что в переводе на русский язык Банко Обреро означает Рабочий банк и что деятельность этого органа в значительной мере посвящена финансированию жилищного строительства на кооперативных началах.

— В принципе идея коллективного жилищного строительства на основе банковского кредита,— повела Элизабет свой рассказ,— дело прогрессивное и нужное, тем более в такой стране, как Венесуэла, где свирепствует жесточайший квартирный кризис: в списках ожидающих получения жилья здесь числится миллион человек, а всего в Венесуэле, как известно, десять миллионов жителей, значит, каждый десятый — бездомный!

В принципе жилищное строительство по кредитам Банко Обреро задумано как строительство домов для рабочих. Но, во-первых, желающий получить квартиру в новом доме должен сразу же выложить на стол астрономическую сумму и в дальнейшем много лет вносить весьма высокую квартирную плату, пока не будет покрыта полная стоимость жилья.

А во-вторых,— и это самое главное — деятельность Банко Обреро отнюдь не чужда политики. И вопрос о предоставлении квартир решается с учетом социальных воззрений того, кто просит квартиру. Человеку, что называется, «благонамеренному» жилье предоставить могут, а ежели он бунтарь, да еще, не дай бог, коммунист,— пусть и не мечтает.

— А как же Педро? — спросил я.

— О, Педро!— Элизабет многозначительно подняла указательный палец. —Попробовали бы они не дать квартиру Педро — взбунтовалась бы вся фабрика. Помните, он рассказывал вам, каким подавляющим большинством его избрали в завком? С такими людьми администрация сейчас предпочитает без нужды не ссориться — ведь теперь, как мы говорим, время бархатных перчаток. А в целом за два года из трехсот нуждающихся крышу над головой получили только десять, причем большинство из них — люди «благонамеренные», тихие, не доставляющие беспокойства начальству. Как правило, это техники, мастера — одним словом, более или менее обеспеченные люди. А как быть тем, кто получает гораздо меньше? И еще: как быть тремстам тысячам безработных венесуэльцев?

Элизабет на мгновение задумалась, потом продолжала:

— На эти вопросы нет ответа. Но достаточно их поставить, чтобы понять, почему семьдесят процентов — да, семьдесят процентов!— рабочих Венесуэлы живут в этих проклятых ранчо. Да, кстати, я забыла вам сообщить еще одну немаловажную деталь. Если рабочий, живущий в доме, построенном на кредиты Банко Обреро, вдруг окажется без работы и будет не в состоянии вносить положенную ему высокую плату, его ждет страшная трагедия — полиция без разговоров выбросит неплательщика со всей семьей и имуществом на мостовую, и тогда — прощай, аванс, который ты с таким трудом скопил, прощай, квартира, которую ты уже считал своей, карабкайся в горы и строй тайком свое ранчо, пока тебя не накрыла за этим занятием вездесущая полиция...

Но почему тайком? О, это целая история! Знаете ли вы, читатель, как создаются ранчо? Если вы видели в свое время великолепный фильм Витторио Де Сика «Крыша», то вы имеете об этом некоторое представление.

В Венесуэле, как и в Италии, давно уже принят закон, охраняющий права домовладельца: если вы возвели на земле, принадлежащей муниципалитету, четыре стены и накрыли их крышей,— никто не вправе разрушить ваше жилище. Но горе вам, если вы соорудили только стены, а крышу положить не успели. Поскольку вы начали строительство без разрешения муниципалитета — а это разрешение бедняку получить невозможно,— вашу хижину немедленно разрушат. Еще хуже будет, если вы, не разобравшись, начали строить свою лачугу на земле, принадлежащей частному хозяину,— закон строго оберегает право землевладельца, и даже в том случае, если вы успели соорудить свою лачугу и накрыть ее кровлей, хозяйские бульдозеры немедленно сметут ваше детище с лица земли...

Итак, вы решили своими руками соорудить жилище. Вы сговариваетесь с десятью — пятнадцатью друзьями, которые согласны вам помочь, втайне накапливаете где-то поблизости от облюбованного вами пустыря груды того, что может сойти за строительный материал: несколько бревен, деревянные и картонные ящики из-под фруктов или консервов, банки из-под бензина, подобранные на свалке ржавые железные листы, а если повезет, то и кирпичи, уже бывшие в деле.

С наступлением ночи вы и ваши друзья бросаетесь на штурм пустыря. Скорее, скорее, вот уже в землю вбиты четыре столба. Вот уже на скорую руку сметаны из картона и дощечек четыре стены,— ура!— сверху уложены изображающие крышу железные листы или на худой конец тот же картон от упаковочных ящиков. Слава богу, что пока вы укладывали крышу, на пустырь не заглянул полицейский патруль. Теперь у вас есть дом. Ваш дом — ваша крепость. В дальнейшем вам предстоит укрепить его стены, если повезет и удастся купить доски,— настлать полы, а если нет, то сойдет и земляной пол. А что касается дверей и окон, то можно будет обойтись и без них — оставьте дыры в стенах.

Бедные люди инстинктивно тянутся друг к другу. И едва на пустыре появится одно ранчо, как в следующую ночь рядом вырастут еще два-три. Не успел муниципалитет создать вокруг пустыря полицейский барьер, и вот уже на горе сереет новый поселок ранчо. А по правде сказать, власти часто закрывают глаза на самовольное сооружение ранчо — пусть уж лучше эта голытьба сама кое-как сооружает свои лачуги, чем устраивать их в муниципальных домах, которых ничтожно мало.

И как ни рекламирует Банко Обреро свои планы замены ранчо кварталами благоустроенных жилых домов, число ранчо не только не сокращается, но, наоборот, катастрофически возрастает. Дело в том, что безработные со всей страны тянутся в столицу в надежде найти здесь какую-нибудь работу. Им надо где-то жить. И вот по ночам на холмах, окружающих Каракас, непрерывно слышится стук топоров, удары молотков, негромкий говор людей, торопящихся соорудить для себя хоть какую-то крышу над головой.

Но вот очередной пустырь застроен. Жизнь есть жизнь, людям нужна вода, им требуется освещение, они пишут письма, и им пишут письма, стало быть, требуется адрес. И вот городские власти, пусть нехотя, медлительно, но все же вынуждены признавать существование нового квартала. Закоулкам между ранчо дают названия улиц, хижины нумеруют. Примерно через год сюда подведут воду, опасающийся эпидемий национальный комитет здравоохранения добьется установки водоразборных колонок на углах. Сюда протянут электрические провода, и на немощеных, грязных улочках загорится тусклый свет.

Вот в таких-то кварталах «самостроя» и живут сейчас сотни тысяч жителей Каракаса...

Перед тем, как повезти нас к обитателям ранчо, Элизабет Фариа — так сказать, для контраста — показала нам один из самых фешенебельных районов столицы — Эль Валье. Этот район был любимым детищем диктатора Хименеса, который стремился увековечить свое имя в истории столицы сооружением огромных дорогостоящих монументов и представительных зданий. Окруженный со всех сторон крутыми холмами, на которых лепятся нищие ранчо, район Эль Валье хвастливо выставляет напоказ свою роскошь.

Мы ахнули, увидев великолепный парково-дворцовый ансамбль. Что это? Всего-навсего военный городок! Военщина всегда была оплотом диктаторов, и для нее создавались поистине королевские условия. Величественная военная академия, похожие на дворцы казармы «национальной гвардии»— охранных войск, специализировавшихся на подавлении рабочих волнений, роскошный клуб для сеньоров офицеров, не менее роскошный отель для них же и, наконец, специальный комплекс магазинов «только для военнослужащих», где офицеры и члены их семей могли приобретать любые товары с большой скидкой.

Рядом — красивейшая эспланада. Высятся огромные, покрытые крупными красными и синими цветами тропические деревья, цветут розы, буйствуют прозрачные холодные струи фонтанов, поют птицы. К небу возносятся гигантские каменные стены огромного монумента с надписью «Нация — своим героям», и в этой каменной аллее — выстроившиеся по ранжиру бронзовые статуи выдающихся деятелей Венесуэлы, в том числе и фигура легендарного освободителя родины — Боливара. Если бы он только знал, что жестокий Хименес попытается выдавать себя за его преемника!..

И вот над всем этим великолепием — убогие и страшные ранчо...

— Я повезу вас в квартал Сан-Антонио,— сказала Элизабет.— Там у меня есть друзья — ведь я именно в этом квартале веду политическую работу, это мое партийное поручение...

Когда мы подъехали к этому кварталу, небо, хмурившееся с раннего утра, потемнело еще больше, и хлынул тропический ливень. Стеклоочистители автомобильчика Элизабет едва успевали смахивать потоки теплой воды, обрушившиеся с неба. Элизабет остановила машину у самого подножия глинисто-каменистой горы. Справа высились блиставшие белизной новенькие жилые дома Банко Обреро, слева над обрывом виднелись жалкие ранчо. Туда вела крутая, узкая и скользкая тропа, превратившаяся в большой ручей. Мутный поток нес с горы пучки снесенной ливнем травы, ржавые консервные банки, щепки.

— Ну как, рискнем?— спросила, улыбаясь, Элизабет.— Тут недалеко. Видите вон то ранчо, над которым флаг? Там живет наш товарищ Адольфо Пиньянго. Он руководит так называемой соседской хунтой — это объединение жителей ранчо, борющихся за свои права. Рискнем подняться по этой тропе?

— Рискнем!

И мы, выскочив из машины, начали карабкаться вверх, скользя по крутой, залитой водой тропе. До ранчо Адольфо Пиньянго было действительно рукой подать, но добраться под дождем было не так уж легко.

— Адольфо, Адольфо!— закричала Элизабет.— К тебе гости. Да, да, гости из Москвы!

Навстречу нам из дыры, заменяющей дверь в хижине, сложенной из разнокалиберных каменных и кирпичных блоков и накрытой ржавым ребристым железом, выскочил пожилой человек. За ним показалась пожилая женщина, видимо, его жена. Они помогли нам преодолеть последний подъем, и мы, сбивая водяную пыль со своей сразу же промокшей одежды, вошли в ранчо.

— Адольфо Пиньянго,— представился нам хозяин хижины.— Сборщик страховых взносов. А это моя жена Луиса Элена Ламон. Она ведет наше хозяйство и воспитывает младших детей и внучат...

Пожилая, скромно одетая женщина молча кивнула головой и протянула нам руку. Мы во все глаза смотрели по сторонам, хотя это было и не очень прилично. Нам было трудно сделать вид, будто то, что предстало нашим взорам, нас не поразило. Мы много слышали о ранчо, но то, что увидели, было поистине потрясающим. Хозяева отлично понимали наши чувства и стояли молча, пока мы оглядывали их более чем скромное жилище.

Первым, что нас поразило, был мутный бурный поток, который мчался через всю квартиру, если то помещение, в котором мы оказались, можно было называть квартирой. Дело в том, что лачуга Пиньянго стояла на косогоре, и ее каменистый пол, круто поднимавшийся от нижней дыры, заменявшей дверь на улицу, к другой дыре, заменявшей черный ход, вполне подходил как ложе для водопада. Обитатели хижины, давно уже привыкшие к тропическим ливням и их последствиям, не обращали на него ровно никакого внимания.

Когда мы немного огляделись по сторонам, мы увидели, что хозяева этой хижины постарались придать ей хотя бы какую-то видимость домашнего уюта. Дыры, заменяющие окна, были прикрыты занавесками. С потолка спускался провод с электрической лампочкой на конце. Неоштукатуренные стены были заклеены афишами, возвещающими о мотокроссе.

За тем помещением, в которое мы вошли, было еще одно, поменьше — некое подобие кухни; там столпилось несколько человек, видимо, это были родственники хозяина дома. Из кухни грубо сколоченная скрипучая деревянная лестница вела наверх, в мансарду. Там стояла широкая кровать, на которой спали три бледных грудных младенца.

Мы на цыпочках спустились вниз, и нас окружила вся семья Пиньянго. Так, стоя у бурного потока, мчавшегося сквозь хижину, мы и начали разговор с хозяевами.

— Ну, как, Адольфо, развертывается ваша борьба против Банко Обреро?— спросила Элизабет.

— Воюем,— хмуро ответил Пиньянго.— Но борьба трудная. Они грозятся пустить в ход бульдозеры; хотят расправиться с нами, как с теми, кто жил вон там.— Он махнул рукой в сторону, где стояли новенькие, сверкающие белой краской, многоэтажные жилые дома.

— Видите ли,— продолжал он, обращаясь

уже к нам,— мы боремся за то, чтобы нас оставили в покое. Этот дом я и моя семья поставили здесь своими руками двенадцать лет тому назад и с тех пор непрерывно его улучшали и расширяли. Дом, конечно, неказист, вы сами это видите. Но что нам делать? Вот моя семья — видите, сколько ртов? И здесь еще не все: мужчины с утра пошли поискать, не удастся ли что-нибудь подработать на обед...— Пиньянго начал перечислять по пальцам:— Мой старший сын, Альфредо,— ему двадцать восемь лет — безработный. Пока он работал, было все хорошо, ведь он автомеханик (я понял, почему в этой хижине в таком почете афиши о мотокроссе), кормил младшеньких. А сейчас его самого приходится кормить. Второй сын, Вильям,— этому двадцать три года — работает, но получает небольшую зарплату. Старшая дочь, Мариам, девятнадцати лет, безработная, сейчас учится на трехмесячных ремесленных курсах, станет портнихой, но пойдут ли к ней заказчики в этот дворец, пока неизвестно; вторая дочь, Белькас,— этой семнадцать лет — тоже без работы...

Пиньянго еще долго перечислял членов своей семьи — у него девятеро детей,— и получалось так, что его большая семья пока что может полагаться лишь на его собственный заработок.

— Ну, вот,— сказал он.— Теперь судите сами: если даже Банко Обреро предложит вдруг нам комфортабельную квартиру в своем расчудесном доме, который он поставит на месте нашего ранчо, то где я найду деньги, чтобы оплатить ее стоимость? Да и не даст он мне ее вовсе — черт побери, у него есть для этого любимчики, начальство. Поэтому мы и говорим банку: оставьте нас в покое!

— Но ведь они, кажется, предлагают вам компенсацию?— спросила Элизабет.

— Компенсацию, компенсацию,— проворчал Адольфо.— Я за эти одиннадцать лет вложил в строительство своего дома почти все свои средства; мне все соседи завидуют, как-никак ранчо из кирпича и камня, у нас два этажа, горит электричество, подведен водопровод. А теперь мне говорят: бери третью часть израсходованных денег и убирайся ко всем чертям. А что я куплю при нынешних ценах на эти деньги? Что же, мне теперь строить новое ранчо, как все,— из картона и гнилых досок, да? Нет уж, нет, я на это не согласен!

Пиньянго разволновался, он тяжело дышал. Его старое сердце, видимо, болело — он все время держался за грудь рукой.

— Нас тут остается еще полтораста семей,— продолжал он.— И мы все твердо заявили: пускай хоть стреляют в нас, добровольно отсюда не уйдем. Или пускай переселяют нас в тюрьму! Там право же лучше — сухие камеры, стекла в окнах и бесплатная еда. Луисе Элене не придется по крайней мере каждое утро ломать голову над тем, чем накормить сегодня маленьких детей и внучат...

Сборщик страховых взносов замолчал. Стало тихо. Только дождь барабанил по крыше да шумел поток, льющийся через порог. И вдруг тоненькая, бледная Белькас тихо сказала:

— А у нас тут много черных тараканов... И ящериц... Мы воюем с ними, но они размножаются очень быстро...

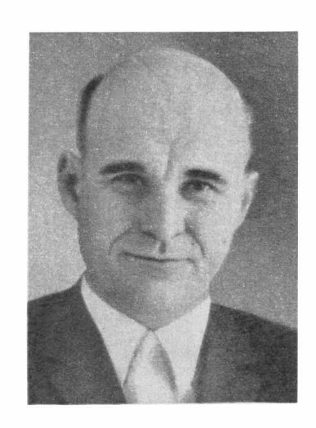
Потом и она умолкла. И вдруг добавила:
— А я шесть классов школы окончила. Так хотелось учиться еще, но не получилось. Надо было искать работу, чтобы помочь семье, но я ее так и не нашла. Выходит, что я зря школу бросила, да?..

Никто Белькас не ответил. В прорезе стены, заменяющем дверь, сверкнула молния, и ее отблески на мгновение отразились в больших зеркальных стеклах пустого многоквартирного дома, который только что отгрохал Банко Обреро на месте уже снесенных ранчо. И невольно подумалось: где-то сейчас ютятся бедолаги, чьи хижины сокрушили бульдозеры, чтобы освободить место для этих новых комфортабельных домов?

Адольфо упрямо тряхнул своей седеющей головой:

— Все-таки мы не сдадимся. Будь что будет — драться за свои ранчо будем до последнего. Так вы там в Москве и скажите! Наша соседская хунта произволу и насилию не поддастся...

Владимир ФЕДОРОВ

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Белгородская земля

До чего же ты буйно-сочная,
Белгородская мать-земля!
Натянули кольчуги прочные
Серебристые тополя.

Полыхают каштанов факелы,
И акаций клубится дым.
По земле, что в неволе плакала,
Я когда-то шагал молодым.

Вот где конница била копытами,
Кровь отцовых друзей лилáсь...
С молоком материнским впитаны
Честь и гордость за нашу власть.

Рвется сердце мое, влюбленное
В эти памятные места.
Только белое и зеленое,
Только свежесть и чистота...

Знаю я: за порою вешнею
Зной дохнет, лицо опаля...
Влей мне в жилы силушку свежую,
Белгородская мать-земля!

Подарок земляков

На пьедестале белом —
Танк.
Внизу —
Родной земли щепотка.
Танк,
На столе, как в поле,
Стань,
Бей по врагу
Прямой наводкой!
Я сталью
Выжигал врага
И знал, где кровь,
А где чернила...
Мне душу
Курская дуга
Холодным зноем
Опалила.

Последний звонок

Ирине

Кто ходил с букварем,
Мой росток-огонек?
Слышишь, дочка, звенит
Твой последний звонок!

За окном
Беспокойно шумят тополя.
За столом
Поседевшие учителя.

Десять лет прозвенело —
Не год и не три...
Говори, моя дочь,
Говори, говори!

Что ж смущенно молчишь?
Говори, не спеши.
Без иронии модной,
От чистой души.

Говори, грусть и радость
В душе не тая.
Это много — семнадцать,
Родная моя.

Мир вбирая до донца,
Шум весенний любя,
Помни, дочь: краснодонцы
Были младше тебя.

Тарасова гора

Тарас, Тарас, родной до боли,
Высок скалистый пьедестал.
Тарас, Тарас, как мало воли
Ты на своем веку видал!
Как долго ты мечтал о хате
На круче у днепровских лоз!
Тебя голубили девчата,
Да только жинки не нашлось.

А журавли перекликались,
Тоски протяжной не тая.
Песком соленым вспоминалась
Тебе солдатчина твоя.
И сердце било в грудь набатом,
И негодуя и скорбя.
Забудь, Тарас, о белой хате,
Иная хата ждет тебя.

Мужицких слез в дороге длинной
Ты не почуешь поутру.
Впряжется матерь Украина
И привезет тебя к Днепру.
И с острой болью человечьей,
Чтоб видели из дальних мест,
Поставит на горе Чернечьей
Огромный крест, чугунный крест.

Тарас, Тарас, родной до боли,
Высок скалистый пьедестал.
Тарас, Тарас, как мало воли
Ты на своем веку видал!
Ночной костер, седая роздымь,
Да шум лесов, да плеск Днепра...
Вершиной рвется к дальним звездам
Твоя Тарасова гора.

НИТИ ДРУЖБЫ

Начало см. на стр. 7

театр, еще Сережа Карпов, наш прядильщик, фотографировал всех на Красной площади.

— Галанова у нас мастерица передовых методов,— говорит об Аннушке Абрамов.— Видели, как она работает?

Прядильные машины искусственного волокна не ткацкий станок. Высота — два этажа, под самую кровлю. Ширина — во весь цех, пятьдесят электроверетен. В распоряжении каждой работницы — 100—150 веретен. У Аннушки — двести. У нее две машины, и выпускают они нить под номером девяносто. Галанова одна пока такая на заводе.

Я долго стояла возле Аннушки, стремясь постигнуть волшебство ее рук. Именно волшебство. Как только вспыхивала лампочка, Аннушка снимала тяжелую большую бобину, обвитую, подобно кокону, мягким, тонюсеньким, нежнее лебяжьего пуха, белым шелком, и вставляла вместо нее другую, пустую. И вот тогда-то начиналась магия... Нет, решительно невозможно было, сколько я ни всматривалась, заметить, как умудряется она в какие-то доли секунды поймать едва видимую паутинку и заправить ее.

Да, это ее метод работы без крючка. Предложила она его вскоре после того, как уехали девушки из Армении. И премию за это получила. В газетах о ней писали. Потом приезжали мастера из Кировакана, знакомились с ее опытом. Вообще тот 1964 год для Аннушки был особенно знаменательным: технолог цеха Лидия Николаевна Тутушкина, теперь она секретарь парторганизации завода, работница Мария Матвеевна Баулина и мастер Сергей Иванович Качалов рекомендовали ее в партию.

Вскоре после всех этих событий Галанову вызвала к себе Клавдия Дмитриевна Киктенко, начальник ацетатного производства:

— Ты должна окончить школу. Никак тебе нельзя больше оставаться с семилеткой...

Угадала она заветное желание Галановой. Только вот сын Андрюша мал, в первый класс пошел.

Что ж, пришлось ей пройти через все. Сидела до глубокой ночи за учебниками, успевала и стряпать и стирать, и все бегом-бегом.

Летом шестьдесят девятого Анне Галановой вручили аттестат о среднем образовании, а на следующий год — удостоверение мастера. Но она по-прежнему работает намотчицей, не торопится расстаться с машинами:

— С них еще много надо взять...

Нет, вовсе не случайно прикрепляют к Анне Галановой учениц из других республик, прикомандировывают стажеров, приводят к ее машинам делегации.

— Ну, а как идут дела в Кировакане? — спросила у меня, прощаясь, Аннушка.— Говорят, «Огонек» туда собирается — тогда передайте им от нас, из Подмосковья, большой привет.

АРМЕНИЯ. КИРОВАКАН

Эстафету принимает собкор «Огонька» И. МЕСХИ

Мы ходили по заводским цехам с секретарем парткома инженером Сергеем Аветяном. Он родился на том месте, где сейчас стоит завод. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом: впервые открыл глаза и изрек свое первое «Уа-а-а!»... Вот тут, на пригорке, где сейчас стоят заводские жилые дома из розового туфа. Тогда здесь чернела одинокая изба родителей Аветяна, колхозников Оганеса и Гаянэ.

Мы разговариваем о соревновании и братстве. Аветян рассказывает о нитях, которые тянутся из Армении в Литву. Кироваканцы связаны тесными узами дружбы с Каунасским заводом искусственного волокна, который был пущен на несколько лет позже. Еще задолго до пуска литовские товарищи приезжали сюда, в отроги Памбакского хребта, за опытом. А когда Каунас крепко стал на собственные ноги, он вызвал своих учителей «на бой». «Считаем, что соревнование,— писали каунасцы,— еще больше укрепит между нашими коллективами те дружеские производственные связи, которые существуют уже несколько лет, послужит примером содружества среди народов нашей многонациональной Родины».

С Серпуховским заводом химволокна такого договора нет, но все равно не рвутся дружеские связи с этим старейшим предприятием, у которого в свое время учились уму-разуму кироваканцы...

..Женщина стоит у прядильной машины. Белые передник и косынка. Белой тряпкой водит и водит по никелю около веретен: чтоб ни одной пылинки. Так работает в Серпухове и Анна Галанова. Так учила Вера Дорожкина.

Кажется, давно это было, а на самом деле не так уж и давно — всего лет девять назад. Эсфирь тогда выглядела неловкой, угловатой девчонкой.

Ее отдали в ласковые руки серпуховской намотчицы Веры Дорожкиной. Высокая, светлая, веселая женщина стала обучать маленькую Эсфирь Кохликян. Несколько месяцев — в первый ее приезд, через год — еще. Эсфирь сдала экзамены на «отлично» и, вернувшись домой, смело вошла в прядильный цех.

Но не только завод связывал Кохликян с Дорожкиной. Она тосковала по милому, хорошему другу, по ее семье и, получив отпуск, снова поехала в Серпухов, прямо к Дорожкиным...

Это было еще до известного саратовского почина. Эсфирь выступила в цехе с предложением работать без контролеров ОТК. Создали бригаду для проверки нового метода, увидели: девушки так стараются, что не придерешься к ним. Через несколько месяцев сократили штат контролеров. Мало того что получили от этого экономическую выгоду — люди приучились работать на совесть.

В марте 71-го завод провожал Эсфирь Кохликян в Москву делегатом от коммунистов Армении на XXIV съезд КПСС. Первый раз в жизни Эсфирь участвовала в таком огромном для всей страны событии. Знал бы об этом отец, который погиб, защищая Советскую Родину!..

...С Сергеем Карагезяном мы встречались на страницах «Огонька», когда он строил завод, будучи бригадиром большой комсомольской бригады и когда начал работать на этом заводе как выпускник профтехучилища. Теперь Карагезян уже коммунист, начальник смены крутильного цеха. Вот что он рассказал нам:

— Тогда я еще работал поммастера. Однажды вызывают меня к заместителю директора по подготовке кадров. Там сидят четыре парня, сразу догадался: литовцы. Это была самая первая группа из Каунаса. «Вот,— говорит заместитель,— даем тебе товарища, чтобы ты обучил его своему делу». И указывает на самого долговязого. Ходил за мной Альгис, как тень, и смотрел. В общем, как и сам я когда-то в Серпухове. Примерно на седьмой день подходит крутильщица и просит устранить брак. Я и говорю:

— Альгис, посмотри, что там...

Одним словом, доверил я ему вскоре всю зону, только теперь ходил за ним и смотрел, а он все делал сам: узнавал до начала смены, сколько партий шелка надо выписать, заправлял машины, исправлял брак. После смены тоже почти все время вместе: то я к ним в общежитие, то Альгис ко мне домой. Тогда я уже был женат и маленькая Наринэ родилась.

Как сейчас, помню экзамен этих ребят перед их отъездом в Каунас. Семь или восемь наших «зубров» забрасывали их вопросами. За Альгиса я был спокоен. Но и те трое тоже были молодцы. Потом проводы устроили им в ущелье Вандзор. С тех пор много времени прошло, а мы с Альгисом до сих пор не теряем связи.

ЛИТВА. КАУНАС

На проводе спецкор «Огонька» Г. ВЛАДИМИРОВА

— Кировакан? Да это у нас популярный город,— сказал Ионас Юсявичюс, председатель цехового комитета Каунасского завода искусственного волокна.— Когда наш завод еще только строился, будущие каунасские аппаратчики, прядильщицы, помощники мастеров — все учились у кироваканцев на их машинах. Я сам бывал там не раз.

Мы вошли в залитый голубоватым сиянием огромный цех, напомнивший своим теплым, мягким климатом и яркой гаммой разноцветных шпулей оранжерею. Под потолком, сделанным из шумопоглощающих плит, разбрасывали мельчайшие брызги увлажнители. Над главным пролетом поворачивалось какое-то многоглазое устройство.

— А нас уже засекли,— объявил Юсявичюс.— Это телекамера. Главный инженер завода и главный диспетчер в любой момент могут увидеть любой участок.

Длинный пролет кончился, уперся в прозрачную стеклянную стену, за ней проглядывали машины другого участка. А в торце, во всю ширину его, было не просто стекло, а художественный витраж. Завод в Каунасе очень красивый, современный, с широко распластанными крыльями корпусов, смыкающимися с фасадом заводоуправления.

Был час пересменки. В вестибюле мы столкнулись с Виолеттой Сцибараускайте. Я сначала приняла ее за мальчика: шапочка с козырьком, куртка на «молнии», брюки и бутсы.

Лыжи и байдарка, велосипед и коньки — все ей подвластно. У Виле сегодня тренировка, но еще есть в запасе полчаса... Помнит ли она кироваканских друзей? А как же! Они возили работниц Каунаса на озеро Севан и там угощали форелью, а потом Ереван показывали. Разве она забудет когда-нибудь Татьяну Шелестову, свою первую наставницу, которая была так терпелива и выкладывала ей все, что только знала сама? Потом Татьяна сама приезжала в Каунас.

— Хорошо помню я и Сергея Карпова из

Серпухова, с ним мы подружились в Фергане. Он там был на пуске, как и я. Компанейский парень. Потом Галя Плохова из Ферганы...

Виле, ученица Тани Шелестовой из Кировакана, теперь сама стала учительницей. Целую группу девчат готовит в цехе. Но связь с Кироваканом не слабеет с годами, а крепнет.

Текстильный цех в Каунасе критиковали на заводе за то, что у него не все было в порядке с сортностью, выходом нити первого сорта. А у кироваканцев дела получше: и отходов мало и качество выше. Тогда Ионас Русяцкас, начальник триацетатного цеха, срочно вылетел в Кировакан, у него там друг заместитель начальника цеха Бабкен Кочарян. Пришел Ионас к Бабкену и говорит: «Объясни, как это у вас все так красиво получается».

Вернулся Русяцкас окрыленный. А вскоре он уже мог писать другу в Кировакан, что теперь и у них в Каунасе качество нити повысилось и отходы уменьшились. Из сэкономленного сырья было сделано сверх плана три тонны объемной пряжи. Сейчас нужно подыматься на следующую ступеньку. И тогда, возможно, за этой самой «ступенькой» примчатся в Каунас кироваканцы.

Двадцать три квартала подряд литовский завод имени 50-летия Октября удерживал Всесоюзное переходящее знамя Министерства химической промышленности СССР и ЦК профсоюза рабочих химической, нефтяной и газовой промышленности. А по результатам за IV квартал 1971 года он получил переходящее знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС. Однако на заводе ничуть не зазнались, не возгордились и не забыли друзей из Армении. Так и пишут им: «Коллектив Каунасского завода никогда не забудет братской помощи кироваканских друзей в подготовке и обучении кадров, в освоении технологических процессов диацетатного производства».

УЗБЕКИСТАН. ФЕРГАНА

На финише эстафеты собкор «Огонька»
В. КОСТЫРЯ

Галя Плохова в первое мгновение подумала, что ей просто-напросто видится сон — в совершенно незнакомом Каунасе мимо нее быстрым шагом проходит очень знакомый человек.

— Виолетта! — кричит Галя.

— Вы меня? — В глазах девушки удивление.

И тут Галя соображает: Виле Сцибараускайте просто не помнит ее в лицо.

Год назад литовская мастерица увлеченно работала у комплекта крутильных машин на Ферганском заводе химического волокна, а Галя с подружками ходила вслед и с восхищением наблюдала за каждым ее движением.

— Я из Ферганы...

Это прозвучало как пароль.

— Из Ферганы?! Так это чудесно! Едем ко мне!

— Но я в командировку, к вам на завод. В гостинице забронирован номер...

— Вот и отлично. Как говорят в Фергане, желание гостя — закон для хозяина... Заедем в гостиницу, а потом ко мне!

...Киргили. Пустырь в нескольких километрах от Ферганы. Кто дал ему звучное имя «Киргили» — «Цветок пустыни»?.. Наверное, в насмешку, а вышло всерьез! На десятках гектаров раскинулись ныне корпуса завода — если войдешь в какой-нибудь цех без опытного гида, заблудишься среди длинных рядов машин и многоэтажных агрегатов. Директор Хамид Умарович Мухаммедов, начинавший строительство завода-гиганта в Фергане что называется с первого колышка, с благодарностью называет литовских коллег, помогавших налаживать производство.

...Беседуем с Зиной Самусенко, работницей Ферганского завода. Родилась в смоленской деревне в 1948 году. Окончив семилетку, уехала в Свердловск, в швейное училище, а затем в Армению — в швейно-технологический техникум. Начала работать в Кировакане на швейной фабрике, а вскоре ее пленили производственные масштабы соседнего Кироваканского

Анна Галанова, одна из лучших работниц Серпуховского завода. Это у нее учились девушки из Кировакана.

Буфет в механическом цехе Кироваканского завода.

завода химического волокна, и Самусенко перевелась в текстильный цех крутильщицей. И еще одно увлечение: она заканчивает заочное отделение Ереванского института физкультуры, становится перворазрядницей по лыжному спорту и кандидатом в мастера по велогонке.

— Помню, приехали в Армению, в Кировакан, литовцы,— вспоминает Зина.— У них только-только производство налаживалось. Прикрепили мне ученицу Зиту Бурачите... А в 1970 году я сама уехала в Фергану, где понадобился мой опыт. Да и мне здесь интересней: в Фергане — политехнический институт, а я давно мечтала поступить на химфак...

Ветеран производства химического волокна Павел Иванович Бабошкин, главный инженер Ферганского завода, рассказывает:

— Еще до войны под Москвой, в Мытищах, начали делать отечественное химическое волокно... Затем вступил в строй Серпуховский завод, который, по существу, и явился стартовой площадкой для всей этой отрасли промышленности. Поистине грандиозные возможности открыло перед нами недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по развитию промышленности химических волокон и сырья для них в 1971—1975 годах».

Этим постановлением предусмотрено ввести в действие в девятой пятилетке новые мощности для производства еще 600 тысяч тонн волокон, то есть в четыре раза больше, чем за предыдущие пять лет! На нашем, Ферганском, расширяется выпуск крашеных волокон. Более удобный для швейников триацетатный шелк будет составлять половину нашей продукции. Скоро начнем производить также объемное волокно... Все это нам по плечу, потому что плечи-то у нас теперь вон какие широкие — от Подмосковья и Кировакана до Каунаса и Средней Азии!

...В пролете между машинами собрались в круг девушки-крутильщицы —Мухаббат Ахмаджанова, Галина Плохова, Максуда Мамедбаева, Нурхон Турсунова, Ханифа Мирзагазиева. Они в спецовках, у каждой прямо от нагрудного комсомольского значка тянется тесемка с блестящей пластинкой-узловязателем. Посмотришь со стороны — производственное совещание на ходу, а на самом деле — письмо читают, из Каунаса,— от Эльвиры Бернатоните!

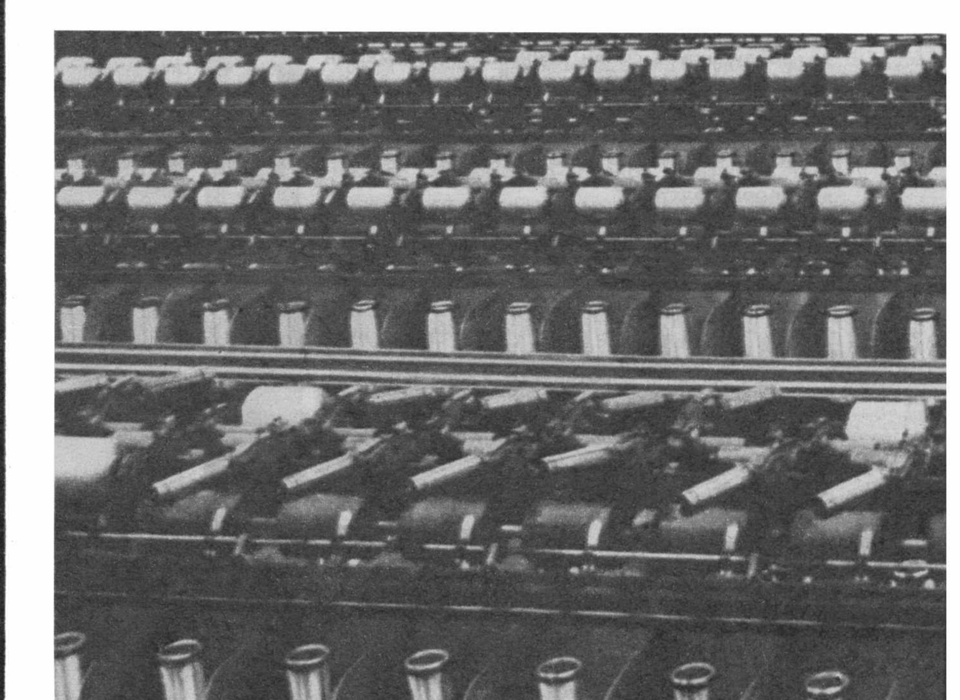
Сколько волнующих воспоминаний в этом тетрадном листке — воскресные поездки в горы, в Шахимардан, на родину пламенного узбекского поэта-революционера Хамзы, доверительные девичьи беседы, настоящий домашний ферганский плов и, конечно же, щедро раскрытые секреты профессионального мастерства. А вот и фотокарточка Эльвиры: на обороте трогательная, с акцентом, надпись: «На вечный память от Эльвире на Мухаббату... Литва. Каунас».

Широко распростер свои белоснежные крылья в предместье Каунаса завод имени 50-летия Октября.

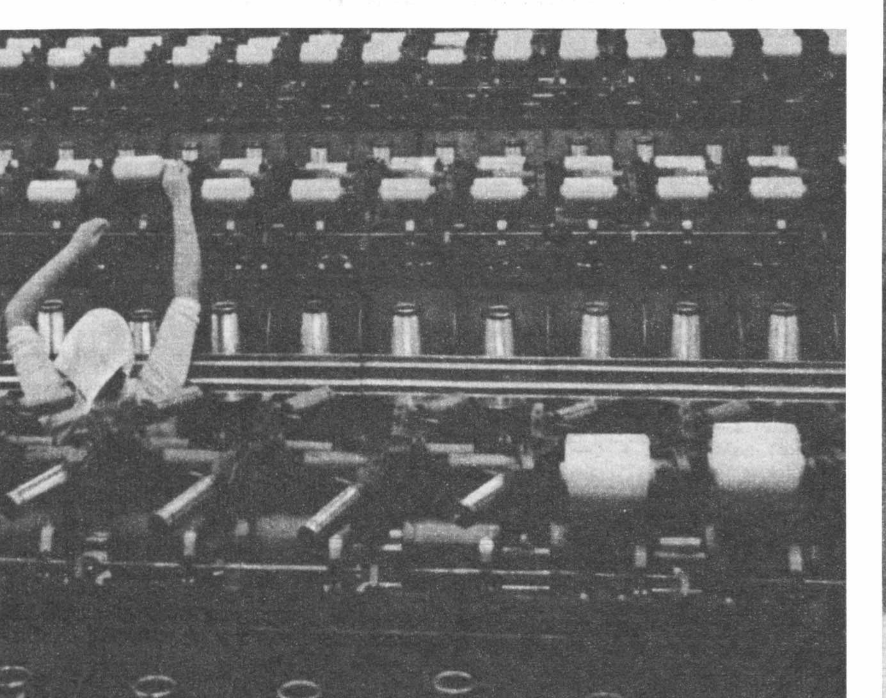
В семье Сергея Карагезяна даже маленькие Армен и Наринэ очень хорошо знают, что далеко, за горами, за реками, есть город Каунас.

Вот она, строгая геометрия искусственного волокна!

Самый распространенный вид спорта на Ферганском заводе химического волокна — туризм.

— Результат хороший!— обрадовал Янину Каулекайте начальник смены Каунасского завода Гедиминас Пошкус, снимавший хронометраж.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Хосе остановил «бьюик» в нескольких стах ярдах от частной психиатрической больницы «Санта-Роза». Он сбросил сомбреро, шарф и почти слился с окружающим мраком; в темноте лишь блеснули его зубы и глаза, когда он сказал несколько слов водителю, после чего тот поставил машину на узенькую, обсаженную деревьями дорогу. Собранные днем сведения помогли Хосе быстро найти пролом в стене, и через минуту он оказался на территории больницы. По тем же сведениям, Каппелман лежал на третьем этаже, в палате № 6. Палата выходила на север. «Моя племянница, работающая в больнице горничной, рассказывает, что в этой палате много солнца в полдень»,— сообщил ему ювелир.

Хосе быстро нашел северную сторону и осмотрелся. Лишь в трех окнах горел свет. Оба верхних этажа больницы имели балконы, проходившие вдоль всего здания. Это облегчало Хосе задачу. Используя неровности стены, он взобрался на балкон третьего этажа и подполз к первому освещенному окну. Небрежно задернутые занавески оставляли довольно широкую щель, сквозь которую он увидел какую-то старуху; она сидела за книгой и время от времени подносила ко рту толстую, как баллон, руку с плиткой шоколада.

У следующего освещенного окна Хосе невольно задержался несколько дольше. Через прозрачную занавеску он разглядел красивую молодую женщину, возбужденно ходившую по комнате из угла в угол. Иногда она останавливалась и стискивала голову руками. Внезапно дверь открылась, и вошла сиделка. Больная бросилась к ней, но сиделка грубо заставила ее лечь в постель и сделала укол. При виде шприца с иглой Хосе вздрогнул и зажмурился. Собственный опыт общения с врачами убедил его, что всяких там медицинских уколов нужно опасаться пуще, чем удара ножом. Когда ему прививали оспу, он даже потерял сознание, но надеялся, что врачи сохранят этот случай в глубочайшей тайне.

Занавески на третьем окне оказались незадернутыми, и он увидел в палате худощавого, молодо выглядевшего гринго. Хосе, довольный, улыбнулся: он не сомневался, что это и есть Каппелман — по сведениям, которые он получил от «родственников», мужчин-больных на третьем этаже не содержали.

Вначале Риду показалось, что стучат в дверь, и, лишь когда стук повторился, он взглянул на окно и увидел приникшее к стеклу смуглое лицо. Первым побуждением Рида было нажать звонок срочного вызова сиделки, но тут в нем заговорило профессиональное любопытство. Никому в голову не придет, подумал он, взбираться на третий этаж с единственной целью — обокрасть его, тем более что ценные вещи пациентов обычно хранятся в сейфе больницы. Враг? Но какие у него, мирного геолога, могут быть враги?..

Рид подошел и открыл окно.

— Спасибо, сеньор,— поблагодарил Хосе.— Признаться, я уже устал ползать на животе. Можно войти? — Не ожидая разрешения, он перелез через подоконник и прежде всего с удовольствием потянулся.— Меня зовут Хосе,— поклонился он.— Как вы, наверно, понимаете, сеньор, я представляю прессу — о, только косвенно!

— Нет, как раз этого я не понимаю.

— Видите ли, пресса никак не может связаться с вами. Вам нельзя никого видеть, нельзя ни с кем разговаривать, ну, хотя бы с джентльменом, которого я представляю. Кое-что я разузнал у одного человека, кое-что — у другого... Вы меня понимаете? Потом я пробрался к вам. Мне кажется, сеньор вовсе не собирается оставаться немым. Ему, наверно, хочется рассказать об аварии самолета, о том, как он плутал по джунглям, сколько горя хлебнул и как...— он взглянул на забинтованную ногу Рида,— как его укусил паук.

Рид сел на кровать и указал Хосе на стул, но тот остался стоять.

— Так удобнее,— улыбнулся он и посмотрел на дверь.— Вдруг мне придется покинуть вас несколько быстрее, чем хотелось бы!

— Сдается мне, Хосе, что ты самый настоящий жулик,— усмехнулся Рид.— Но, возможно, действительно можешь помочь мне.

— Я ваш покорный слуга, сеньор Каппелман.

Рид глубоко затянулся сигаретой и долго смотрел на Хосе. Что ж, этот человек, пожалуй, способен совершить доброе дело, но только с пользой для самого себя. После длительного раздумья Рид решился:

— Я вовсе не Каппелман.

Хосе не удивился, лишь развел руками.

— Прошу прощения, сеньор, но...

— Произошла ошибка. Моя фамилия Рид. Разве по моему выговору не заметно, что я никак не могу быть немцем?

— Сеньор — иностранец. По-испански вы говорите хорошо, разве что не очень быстро и с акцентом.

— С английским.

— Где уж бедному креолу разбираться в акцентах! Все они одинаковы, да и какое это имеет значение? Я помогаю своему другу, уж он-то знает толк в акцентах. Он американец.

— Американец?

— Да, сеньор.

— И живет в Лиме?

— Да, сеньор.

— А вы могли бы... Предположим, я захотел бы с ним встретиться.

— Проще простого,— улыбнулся креол.— Нужно только пойти со мной.

— Сейчас? Так поздно?

— Да.

— Невозможно.

— Ничего невозможного нет, сеньор. У вас неприятности, правда? Люди считают вас сеньором Каппелманом, а вы вовсе не Каппелман. Не рассердятся ли они, когда узнают об этом? Мой друг сеньор Ратман — очень влиятельный человек. Он работает в газетах, а газеты — это же большая сила. Мой друг сможет вам помочь, а раз так, вы должны с ним встретиться, понимаете?

— А почему бы ему самому не прийти сюда?

— Сеньор, вы же в больнице «Санта-Роза»! А больница эта секретная. Газетчика тут и на порог не пустят.

— Не больница, значит, а вроде бы тюрьма?

— Нет, сеньор, не тюрьма, я же говорю: секретное место. Те, кто попадает сюда, предпочитают помалкивать о себе.

Рид задумчиво поскреб подбородок. Во время болезни ему сбрили бороду, и это сильно изменило его внешность.

— Странно все это,— заметил он.

— Очень,— охотно согласился Хосе.

— Я имею в виду это место.

Хосе промолчал.

— Вот что,— продолжал Рид.— Я чувствую себя вполне сносно. Утром я уеду отсюда и навещу вашего друга Ратмана.

— Сомневаюсь, сеньор.

— Кто может меня задержать? — удивился Рид.— Я английский гражданин и могу пойти или поехать когда и куда угодно, если, конечно, не нарушил закона.

— В том-то и дело, сеньор. Только сегодня я слышал, что скоро начнется расследование причин катастрофы самолета, и вам придется давать показания. Для всех вы сеньор Каппелман, а вы говорите, что вы Рид. Неладно получается, правда? У вас есть какие-нибудь доказательства?

— Да, разумеется...— начал было Рид, но тут же умолк. У него действительно есть... бумаги Каппелмана и его паспорт.— В данное время доказательств у меня нет, но доказать, что я Рид, а не Каппелман, не так уж трудно, хотя на это потребуется, может быть, неделя.

— Ну, хорошо. Если вы сеньор Рид, тогда где же Каппелман?

— Мертв. Его убили индейцы.

— Вон оно что! — протянул Хосе, и Рид уловил в его голосе скептические нотки.— Герр Каппелман является... является очень важным человеком. У него есть... у него было много важных друзей.

— Меня это не интересует.

— Но бумаги сеньора Каппелмана оказались при вас.

— Я взял их, чтобы доказать...

— Что доказать?

Рид вскочил с койки.

— Довольно! Я передумал и никуда отсюда не пойду. Мне нечего скрывать и нечего бояться. Моя фамилия Рид. Каппелман для меня совершенно посторонний человек. У меня только его портфель.— Рид кивком указал на шкафчик.

— А что в нем?

— Откуда мне знать?

— Вы даже не заглянули в него? — удивился Хосе.

— Разумеется. Это не моя вещь.

— Но вы же захватили его с собой из джунглей.

— Я взял портфель и эмблему с фуражки одного из пилотов, поскольку не мог захватить с собой никаких других доказательств.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5, 6.

Н. Чесноков (Свердловск). ОЛЕНЕВОДЫ.

Художественная выставка «Урал, Сибирь, Дальний Восток».

Б. Витомский (Свердловск). ГОРОД СТРОИТСЯ.

Художественная выставка «Урал, Сибирь, Дальний Восток».

— С вашего разрешения, сеньор...

Хосе быстро распахнул шкафчик, вынул портфель и открыл его. Рид не спускал с него глаз.

— А это что? — спросил Хосе, извлекая жакет Розеллы.

— Жакет стюардессы Розеллы да Сильва.

— А где же она сама?

— Не знаю. Ее увели индейцы.

Хосе молча отложил в сторону жакет и вытряхнул на кровать содержимое портфеля. Рид с интересом смотрел на разбросанные по кровати вещи, еще хранившие, наверно, следы прикосновения человека, которого уже нет в живых. Там, в джунглях, он торопливо сунул в портфель, не заглядывая в него, бумажник Каппелмана, эмблему с фуражки и связку ключей. Как оказалось теперь, в портфеле была еще толстая записная книжка, перехваченная резинкой пачка документов, небольшая обложка, в которой обычно хранят фотографии и туристские чеки. Рид раскрыл ее. В ней оказалось два фотоснимка: темноволосая, довольно полная, но все же красивая испанка и юная девушка. Рид бегло взглянул на второй снимок, но тут же, не веря собственным глазам, принялся внимательно его рассматривать. В девушке с очаровательным личиком он узнал Розеллу.

— ...А я вам еще раз говорю: плохой он человек! — возбужденно твердила сиделка.— В портфеле у него женская одежда, на свою фамилию не хочет отзываться... По-моему, он убил эту Розеллу, и я требую известить полицию...

Сестра-хозяйка устало поднялась из-за стола и тяжело вздохнула.

— Очень уж вы мнительны, дорогая. Если сеньор Каппелман не желает встречаться с журналистами, нам надо называть его либо Ридом, либо другим именем, которое он выберет. У меня есть насчет него соответствующие распоряжения. Никого он не убивал, вы сами скоро убедитесь. Это очень важная персона, и ваша обязанность — заботливо ухаживать за сеньором Каппелманом, а не сплетничать о нем.

Слова сестры-хозяйки явно обескуражили сиделку. Она так надеялась, что в ее скучное существование наконец-то ворвалось что-то новое, необычное, что ей улыбнется счастье стать действующим лицом сенсационного происшествия...

— Как вам угодно, сестра,— нехотя согласилась она.— И все же странный у нас пациент. Каппелман... Рид... Женская одежда... Какая-то таинственность... Откуда вам известно, что он важная персона?

Не дожидаясь ответа, она повернулась и вышла.

— Ох уж мне эти молодые сиделки! — пробормотала сестра-хозяйка, закатывая глаза.— Подавай им всякие тайны, любовные романы — все что угодно, только бы не ухаживать за больными.

Она снова вздохнула и собиралась было вновь засесть за бумаги, как дверь комнаты с шумом распахнулась. Сестра-хозяйка больше не могла сдерживаться.

— Ну, знаете, моя милая! — сердито воскликнула она.— Это уж слишком...

— Герр Каппелман...— прервала ее сиделка,— герр Каппелман исчез!

Наступило молчание. Сестра-хозяйка не сводила с сиделки округлившихся глаз, а та не без злорадства добавила:

— Все-таки я была права! Он убил ее, потому и скрылся.

Ни тогда, ни позже Рид так и не мог понять, что заставило его решиться покинуть «Санта-Розу». Но как только Хосе вторично предложил ему покинуть больницу, он спросил:

— На это уйдет много времени?

— Совсем нет. А потом, если вам захочется, сможете вернуться. Только вряд ли захочется. Самое лучшее для вас — поселиться в гостинице «Фон Гумбольдт». Там вы можете встречаться с кем хотите — гостиница ведь не засекречена.

— То есть?

— Ну, там не то что в «Санта-Розе». Тут, в «Санта-Розе», люди появляются и исчезают. Иногда моему другу сеньору Ратману удается разнюхать, кто появился, а кто исчез, но редко. Я уже говорил: люди здесь избегают встречаться с газетчиками. «Санта-Роза» — нехорошее место. Может, тут все в порядке, а может, нет. Больницу охраняют. Почему? Зачем? Неужели так уж опасны здешние больные? Для кого они опасны?.. Нет, сеньор, что-то тут не так. И охранники, думаю, для того, чтобы любопытные не совали сюда свой нос. Но вы говорите...

— Я согласен пойти с тобой, но по-людски, через дверь.

— Не получится.

— Почему?

— Вы не можете уйти из больницы, не получив разрешения властей.

— Что?!

— Вы же свидетель, не забудьте.

— Да, да...

— Дирекция «Санта-Розы» отвечает за вас головой.

— Иными словами, я просто-напросто арестант?

— Может, да, а может, нет. Мой друг сеньор Ратман выяснит и скажет вам.

Рид испытывал не раздражение, а скорее растерянность. «Я должен повидать английского консула»,— подумал он. И вообще странно: до сих пор ни один чиновник какого-нибудь государственного учреждения не навестил его. Хорошо хоть, что он более или менее поправился. Нога уже почти зажила, мучившая его отвратительная слабость исчезла.

— Я должен одеться,— заявил Рид, направляясь к гардеробу.— Черт возьми! — воскликнул он, обнаружив, что его одежды нет. Впрочем, он тут же решил, что все равно не смог бы надеть костюм: после приключений в джунглях от него, наверно, остались одни лохмотья.— Придется, видимо, отправляться в пижаме и комнатных туфлях.

— Ничего,— ухмыльнулся Хосе.— У меня тут машина.

Рид собрал разбросанные по кровати вещи Розеллы и Каппелмана, сложил в портфель, надел туфли и халат.

— Я готов, Хосе. Как мы отсюда выберемся?

— С балкона спустимся на землю.

— Не могу. У меня в таких случаях всегда кружится голова. Постой...— Вспомнив проделки школьных лет, он снял с кровати обе простыни.— Хватит, если связать вместе?

— Вполне.

— Я привяжу один конец к балкону, спущусь на следующий балкон, а ты отвяжешь конец и сбросишь мне.

— Понятно. Я-то обойдусь и без простынь.

— Потом мы проделаем то же самое на нижнем балконе.

Рид связал простыни и вслед за Хосе вышел на балкон. Ночь выдалась холодная, и он вздрогнул. Благополучно достигнув земли и подождав Хосе, Рид зашагал вслед за ним. Тот, казалось, видел в темноте и уверенно привел своего спутника к пролому в стене. Но едва они оказались на улице, как где-то в больнице тревожным звоном залился звонок, и мгновение спустя вспыхнули прожектора, залившие все вокруг морем света.

— Быстро! — прошептал Хосе. Увлекая за собой Рида, он побежал к поджидавшему их «бьюику», водитель которого тоже слышал сигнал тревоги и уже завел машину. Они вскочили в автомобиль, и «бьюик» помчался по широкому шоссе, ведущему в Лиму.

Рид с облегчением откинулся на спинку сиденья, он уже почти не сомневался, что, покинув «Санта-Розу», избежал какой-то серьезной опасности.

— Кажется, ушли,— заметил он.

Вместо ответа Хосе наклонился к водителю и что-то сказал по-испански, но так быстро, что Рид не разобрал. «Бьюик», словно пришпоренный, рванулся вперед.

— Можно, наверно, и не спешить так,— начал было Рид, но Хосе ткнул большим пальцем куда-то за спину. Рид взглянул в заднее окошечко и все понял.

— Машина у них что надо, ничего не скажешь,— проговорил Хосе,— но наша старушка не хуже. Да и такого водителя, как наш Франческо, еще поискать да поискать... Нет, не догонят они нас.

— Будем надеяться,— ответил Рид. «Кажется, я стал важной особой! — усмехнулся он про себя.— Но почему?»

Ответить на этот вопрос Рид пока не мог.

Судя по тому, как хладнокровно посасывал Хосе свою неизменную сигарету, он и в самом деле не опасался погони. Зато Рид вздрагивал каждый раз, когда покрышки колес взвизгивали на резких поворотах. Достигнув города, Франческо свернул с главной автострады и все на той же немыслимой скорости стал петлять по лабиринту узких улочек. Машина с преследователями долго не отставала, но Хосе оказался прав: ее водителю было далеко до Франческо, а может, все объяснялось тем, что Франческо хорошо знал тут каждый переулок, каждую щель. Как бы там ни было, после одного поворота, такого крутого и стремительного, что у Рида все сжалось внутри, позади послышался пронзительный скрип тормозов, глухой удар и скрежет металла. Франческо резко сбавил скорость. Звуков погони уже не слышалось.

— Туда им и дорога,— пробормотал Хосе и перекрестился.

4

Ратман жил в огромном, густонаселенном доме на Авенидо Пасифико. Он снимал на седьмом этаже маленькую, плохо обставленную квартиру, однако она ему нравилась, особенно потому, что была вполне по карману. Оказавшись у себя, Ратман начал с того, что налил в стакан виски со льдом.

«Интересно, как там дела у Хосе,— подумал он.— Каппелман... Чем не тема для интересной статьи!..»

Он включил радио, но почти не слышал музыки, поглощенный своими мыслями. Расхаживая из угла в угол крошечной комнатушки, он пожалел, что не пригласил кого-нибудь на вечер — иногда он остро чувствовал свое одиночество.

Он поднес стакан с виски ко рту, но в эту минуту зазвонил телефон, и он торопливо снял трубку.

— Это ты, Хосе?

— Да, да, сеньор!

— Как дела?

— Есть новости, но не для телефона.

— Отлично. Давай встретимся в...

— Невозможно, сеньор. Только у вас на квартире. Со мной один человек.

Ратман усмехнулся.

— Понятно. Он сам, собственной персоной. Ну что ж, веди его сюда.

— Это трудновато.

— Трудновато?

— Да, сеньор. На нем только пижама и халат.

— Это еще что такое?! — изумился Ратман.

— У него не было другой одежды.

Ратман помолчал.

— Вот что,— заговорил он снова.— Ты знаешь вход в наш дом со двора? Знаешь? Вот и хорошо. Около него постоянно торчит привратник. Ровно через десять минут я позвоню ему по телефону, и, как только он скроется в своей конторке, проскальзывайте в дверь. Понятно?

— Понятно, сеньор.

Через десять минут Ратман позвонил привратнику и принялся жаловаться, что у него постоянно пропадают вещи из белья, доставляемого из прачечной,— весьма болезненная для них обоих тема. По скромным подсчетам Ратмана, терялось не менее одной вещи в неделю, привратник же клялся и божился, что никогда не дотрагивается до коробок с бельем. Ратман все еще внушал ему, что не брал на себя обязательств по снабжению нуждающегося населения Лимы бельем, когда в квартиру постучали. Бросив трубку, Ратман открыл дверь и увидел широко улыбающегося Хосе.

— Входи.

— Спасибо, сеньор. Это герр Каппелман.

— Рид. Моя фамилия Рид.

Ратман взглянул на своего нежданного гостя.

— Я вижу, вы так торопились, что не успели одеться,— заметил он, закрывая дверь.— Виски?

Рид хотел было отказаться, но передумал:

— Пожалуй. После того, что произошло сегодня вечером, глоток вина не помешает.

— Располагайтесь удобнее, пока я наливаю... Хосе, тебе налить?

— Спасибо, сеньор, мне пора уходить. Дела.

— Как хочешь. Встретимся потом.

Хосе поклонился Риду.

— До свидания, сеньор. Если вы решите вернуться в «Санта-Розу», сеньор Ратман не откажется отвезти вас. Но не думаю, что у вас

появится такое желание. «Санта-Роза» — дурное место, я слышал о нем много нехорошего. Моя тетка работает там кухаркой.

Он повернулся и ушел.

Ратман передал Риду вино и пододвинул стул.

— Для начала давайте договоримся о полной откровенности. Моя фамилия Ратман. Я журналист, не связанный с какой-нибудь определенной газетой или журналом.

— Понимаю.

— Все мы, конечно, слышали об аварии самолета, а вот ваше прибытие сюда почему-то держалось в тайне, хотя вскоре стало известно, что кто-то из пассажиров уцелел,— такие вещи скрыть просто невозможно.

Рид кивнул.

— Однако ваш приезд в Лиму явно пытались скрыть.

— Почему?

— Полагаю, вам лучше знать.

Рид покачал головой.

— Я был в таком состоянии, что вообще ничем не мог интересоваться.

— Допустим. А до этого?

Рид принялся внимательно рассматривать свой стакан с виски.

— Ну же,— поторопил Ратман.

— Ничего не знаю. Некоторое время я лежал без сознания, а когда очнулся, ко мне, к моему удивлению, обращались как к Каппелману. Моя фамилия Рид, по специальности я геолог. По поручению одной крупной лондонской фирмы я занимаюсь поисками редких минералов в разных странах. Не вижу, чем это может заинтересовать вас...— Он взглянул на собеседника и усмехнулся.— Нет, нет, уран тут ни при чем! Почему-то всегда думают, что геологи только тем и занимаются, что ищут уран.

Ратман отхлебнул виски.

— Ну хорошо. Ваша фамилия Рид... Должен сказать, это похоже на правду. Никакой Каппелман, как бы ни старался, не сможет выглядеть таким типичным лимеем [1].

— Спасибо за любезность.

— Не обижайтесь, я просто констатирую факт.

— Я и не обижаюсь, я беспокоюсь.

— О чем же? И к чему, кстати, этот маскарадный костюм?

— Сейчас все объясню. Вы уже, наверно, знаете, что мы вылетали из Лимы. Рядом со мной в кресле оказался какой-то полный пассажир, судя по всему, немец. Назвался Каппелманом.

— Он что-нибудь рассказывал о себе?

— Ничего. Зато о других пассажирах он, кажется, знал буквально все.

— Очевидно, ему пришлось затратить на это немало времени и труда!

— Возможно. Так вот, при аварии, насколько мне известно, уцелели только мы трое: я, Каппелман и стюардесса Розелла. Потом появились индейцы, и Каппелман ни с того ни с сего стал в них стрелять. На этом все было кончено.

— А дальше?

— Один из индейцев схватил меня и стиснул так, что я на некоторое время потерял сознание, а когда пришел в себя, Каппелман был мертв, а Розелла исчезла. Ее, видимо, увели с собой индейцы.— Рид протянул руку к портфелю.— Я захватил с собой портфель Каппелмана как единственное доказательство случившегося. Вот, взгляните.— Рид открыл портфель.— Это жакет Розеллы.

Ратман взглянул на портфель, на зеленоватые пятна плесени, испещрявшие коричневую кожу, и ощутил гнилостный запах — вечный запах джунглей.

— Ну, а дальше?

— Мне удалось добраться до реки, где меня и подобрали индейцы, видимо, уже другие. Больше ничего не помню. Кажется, меня кто-то укусил, я и теперь еще не совсем оправился.

— Вам повезло, это могла оказаться и гремучая змея.

— Не знаю, повезло ли... Я согласился встретиться с вами в надежде, что вы поможете мне разобраться, что, собственно, происходит.

— Не понимаю, о чем вы беспокоитесь,— пожал плечами Ратман, предлагая Риду сигарету.— Если вы Рид, доказать это не составит труда. Каппелман мертв. Катастрофа самолета произошла, разумеется, не по вашей вине. Конечно, вам, как очевидцу, придется давать показания, но и только. Потом вы отдадите портфель Каппелмана властям и вернетесь к своей работе.

— А Розелла?

— Ну, ее еще, возможно, найдут,— не слишком уверенно ответил Ратман.

— Как же в таком случае объяснить сегодняшние события? Ведь за нами была организована самая настоящая погоня.

— Погоня?

— Вот именно. Ваш друг Хосе уговорил меня бежать из «Санта-Розы». Кто-то обнаружил мое исчезновение, и за нами погнались. Преследователи не настигли нас только потому, что потерпели аварию.

— Я слышал разные истории о «Санта-Розе», но, насколько мне известно, там еще никого не держали насильно. Вот тут-то и начинается самое странное. В больнице определенно считают, что вы Каппелман...

— Я сказал сиделке, что моя фамилия Рид.

— И она поверила?

— Не думаю... Все дело в портфеле. Сожалею, что он попался мне на глаза...

— Гм... И вот когда Каппелман исчезает...— Ратман замолчал, обдумывая какую-то мысль, потом быстро взглянул на Рида.— Черт возьми! Это же так просто! Администрация решила, что вас похитили.

— Похитили? Меня? — удивился Рид.

— Ну да! На вас же только халат и пижама. В больнице не сомневаются, что вас украли.

— Почему?

— Не берусь гадать. А знаете, Рид, за всем этим что-то скрывается. Кто такой Каппелман?

— Понятия не имею. Сиделка, кажется, решила, что это я убил Каппелмана и Розеллу. Или, наоборот, Рида и Розеллу. Уверен, что она собиралась поднять шум.

— Оставьте в покое сиделку! Кто-то все еще считает вас Каппелманом, если, конечно, не...— Он снова помолчал.— А что в этом портфеле, кроме жакета Розеллы?

— Какие-то документы, бумаги.

— Вы их просматривали?

— Нет.

— Сейчас самое подходящее время посмотреть. Не возражаете?

— Пожалуйста.

Ратман открыл портфель и высыпал на кровать его содержимое. Жакет он отложил в сторону, взял обложку с фотографиями, открыл ее и одобрительно присвистнул.

[1] Презрительное прозвище англичан, распространенное среди американцев.

— Это Розелла,— пояснил Рид.
— Что?!
— Это, говорю, Розелла.
— Вы уверены?
— Абсолютно.
— Но как ее снимок попал к Каппелману? Они и раньше были знакомы?
— Скорее всего, и да и нет,— поколебавшись, ответил Рид.— У меня сложилось впечатление, что Каппелман много разъезжал. Розелла, несомненно, встречала его и прежде, как, возможно, встречали и другие стюардессы.
— Ну, разгадать эту загадку будет нетрудно. А это что?
Рид взглянул на небольшой бумажник из замши.
— Не знаю, не обращал внимания.
Ратман открыл бумажник и встряхнул его над ладонью. Некоторое время он молча рассматривал какой-то поблескивавший предмет, потом со словами «Взгляните-ка!» перебросил его Риду. Это оказался не то медальон, не то медаль. С одной стороны была выгравирована голова юноши в венке, другая была гладкой.
— Что это, по-вашему? — спросил Ратман.
— Не знаю, но похоже на голову греческого юноши.
— Ну и ну! Лимей и есть лимей. Не считайте меня совсем уж невеждой. Я и сам вижу, что изображение выполнено в греческом стиле.
Он усмехнулся с таким добродушием, что сразу обезоружил готового было вспылить Рида.
— Медальон, если я не ошибаюсь,— заговорил Рид,— сделан из золота девяносто шестой пробы.
— Да? Вы геолог, вам виднее. Дайте-ка мне.
Рид вернул медальон Ратману, и тот, вынув из ящика письменного стола большое увеличительное стекло, включил яркую настольную лампу и склонился над медальоном.
— Подойдите сюда,— попросил он через некоторое время,— и скажите, что вы видите.
Рид посмотрел через лупу и должен был признать, что гравировка выполнена превосходно — даже при сильном увеличении линии не теряли своей четкости и непрерывности. Рассматривая венок на голове юноши, он вдруг воскликнул:
— Ого!
— Вы чем-то удивлены? — поспешно спросил Ратман.
— Да, тем, что венок сделан из фашистских свастик! — ответил Рид, продолжая разглядывать медальон сквозь лупу.
— Правильно.
— Только концы свастик расположены в обратном направлении.
— Знакомый мотив?
— Еще бы!
— И что вы теперь скажете?
— Видимо, кое-кто из немцев вновь вынашивает определенные замыслы.
— Вероятно.
— Но, может, ничего опасного они не...
— Перестаньте! Я бы согласился с вами, если бы не знал так хорошо психологию некоторых немцев. Капитулировала Германия, но нацизм не капитулировал. Свастики... Каппелман... «Санта-Роза»... Нет, никак это не может не быть опасным. Уже давно Южная Америка привлекает внимание немцев.
— Ну, ко мне это никакого отношения не имеет.
— Вернее, не имело. А теперь имеет, и самое прямое. Можно не сомневаться, что люди, знавшие Каппелмана, знают все, что связано с медальоном, и постараются не допустить, чтобы об этом знал кто-нибудь другой. Это означает прежде всего, что мы с вами теперь «меченые» люди.
— И угораздило же меня попасть на один самолет с Каппелманом! — с горечью воскликнул Рид.
— Теперь мы с вами в одной лодке,— продолжал Ратман.— Как только они узнают о нашей встрече, за мной начнется такая же охота, как за вами. Но я не стану хныкать, последнее время я жил довольно-таки скучно. Если бы только мне узнать, кем был наш друг Каппелман, чем занимался!
Он замолчал и усиленно задымил сигаретой.
— Наш друг Каппелман,— вновь заговорил он некоторое время спустя,— унес с собой на тот свет очень важные секреты.
— Индейцы убили Каппелмана,— задумчиво произнес Рид, не сводя глаз с золотого медальона,— а теперь вот кто-то добирается до меня.
— Может, в этих документах мы найдем ответ на вопрос о том, кто так настойчиво охотится за вами,— сказал Ратман, снимая резинку с пачки бумаг.— Пододвигайтесь ближе, Рид. Быстро нам не управиться.

И действительно, прошло не меньше часа, прежде чем они прочитали последний лист.
— Ну? — посмотрел Ратман на Рида.
— Ума не приложу, в чем тут дело...
— Если я правильно понял, все документы касаются операций подлинной торговой фирмы «Сьерра корпорейшн», занимающейся импортом различных товаров в Южную Америку. Я знаю эту фирму, она пользуется довольно солидной репутацией. Может, Каппелман работал в ней коммивояжером?
— Тоже мне коммивояжер!
— Пожалуй, вы правы. А если предположить, что он одновременно занимался торговлей, например, сбывал золотые медальоны?
— Не знаю, что и думать... По правде говоря, все это так далеко от того, чем я занимаюсь.
— Понимаю, детектива из вас не получится. Однако возможно, что еще до того, как мы разгадаем все эти загадки, с вас слетит вся ваша чопорность.
Рид вновь почувствовал раздражение. «Я вовсе не какая-то там мелкая газетная рыбешка! — подумал он.— Почему, черт возьми, я должен беспокоиться? Пусть он, если хочет, разбирается без меня...»
— И все же его дневник, особенно фамилии, которые в нем упоминаются, определенно заслуживает внимания,— продолжал Ратман, не обращая внимания на хмурое лицо Рида.— Вы только взгляните: политики, банкиры, крупные бизнесмены, несколько высокопоставленных военных, владельцы газет, издатели... Что, по-вашему, это может значить?
— Откуда мне знать?
— А вот я постараюсь узнать.
— Ратман, а вы не подумали, что растревожите осиное гнездо? Почему бы нам не забыть всю эту историю? Давайте сожжем бумаги, выбросим медальон, а я сяду на первый же самолет и улечу из Лимы.
— Это означало бы, что вам здорово повезло, Рид. Вы же теперь «меченый». Вы нужны властям как очевидец катастрофы, ну, а банда из «Санта-Розы», видимо, считает, что вы должны тихонечко жить у них в больнице в роли всем довольного пациента... Я достану для вас одежду и все необходимое. У меня здесь большие связи, я постараюсь навести кое-какие справки, а вы пока отлеживайтесь. Власти Лимы, конечно, поднимут скандал, как только узнают о вашем исчезновении, но ваши друзья из «Санта-Розы», как мне кажется, не будут торопиться поставить их в известность. Им не составит особого труда оттянуть огласку на несколько недель, сославшись на состояние вашего здоровья. Здесь вообще не принято спешить, официальное же расследование причин катастрофы начнется не раньше, чем в джунглях будут найдены обломки самолета, а это долгая песня. Тем временем я с вашей помощью постараюсь собрать необходимые данные, чтобы выступить в открытую. Если же наша затея окажется пустым номером... Что ж, тогда заново рассмотрим и оценим обстановку.
«А в самом деле, что я теряю?» — подумал Рид, однако вслух сказал:
— Хорошо, я согласен побыть здесь, но недолго.
— Прекрасно. Спать можете вот на этом диване — очень удобное ложе.
— А как с обслуживающим персоналом — с уборщицей, слесарями, полотерами, если они явятся? Как уберечься от их любопытства?
— Вас тут никто не знает. Я скажу, что вы мой дальний английский приятель по фамилии... по фамилии Фотирингей и что вы приехали раскапывать руины...
— Фотирингей? Странная фамилия.
— По-моему, старинная английская. Я встречал ее в какой-то книге.

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

ТЭГРЫНЭ — МЕТАТЕЛЬНИЦА ГАРПУНА

Уже не первый раз уводит читателя известный чукотский писатель Юрий Рытхэу в свои родные, заповедные, тундровые края. И в новой повести он не изменил им. Повесть «Метательница гарпуна» от первой до последней страницы посвящена этим окраинным местам нашего Севера, любопытным судьбам некоторых здешних коренных жителей и еще — явно пристрастному описанию незаурядного жизненного пути Марии Тэгрынэ. Тэгрынэ и означает в переводе с чукотского — метательница гарпуна. Автор сразу берет, скажем так, возвышенный тон: он любуется своей героиней, сам не скрывая того. Однако это не мешает Ю. Рытхэу выписать жизненно-правдивый и впечатляющий, колоритный и привлекательный образ чукотской женщины, которая с полным правом может вот так размышлять о себе:

«Собственно, кто я такая? Дочь бывшего кулака?.. Так ведь я его никогда не видела! Родители мои те, кто пятьдесят лет пролежал в вечной мерзлоте, кто смотрел широко распахнутыми глазами в осеннее небо, и снежинки не таяли на зрачках... Мои отцы и Тэвлянто, и Отке, и Тэгрынкеу — все, кто строил на Чукотке новую жизнь, за которую теперь мы в ответе, и нет такой силы, что могла бы заставить нас отстраниться от нее, этой ответственности, превратиться в простых наблюдателей. Так уж нас воспитали, так учили в школе, в педучилище, этом чукотском университете, на работе в комсомоле. И такими вырастили...»

Именно эта преемственность лучшего, передового, революционного, идущая от первых чукотских ревкомовцев, пятьдесят лет назад расстрелянных здешними богатеями и упрятанных ими в вечную мерзлоту, поддержанная первым чукотским депутатом Верховного Совета СССР Тэвлянто, который в свое время спас от смерти маленькую Марию, и стала основной чертой в характере Тэгрынэ.

Недаром же Ю. Рытхэу начинает свою повесть с драматической и траурно-торжественной сцены похорон первых ревкомовцев, пролежавших в вечной мерзлоте полвека, которым ныне будет воздвигнут достойный памятник. В этих похоронах участвует и Мария.

Характерно, что мать Тэгрынэ и саму Марию, которых выгнал из яранги их муж и отец, крупный оленевод Гатле, спасает от гибели депутат Тэвлянто. Право же, эпизод преследования обессилевшей матери с ребенком за плечами голодным волком, готовым при первом же падении намеченной жертвы наброситься на нее, выглядит трагедийно-впечатляющим.

Выразительны последние страницы повести: бывший кулак Гатле приходит на глазах своей дочери, ставшей видной деятельницей Чукотки, просить пенсию по старости у представителей Советской власти, врагом которой он когда-то был.

Перед нами пока что журнальный вариант повести «Метательница гарпуна». Думается, что при подготовке отдельной книжки Ю. Рытхэу еще будет вносить в нее некоторые изменения. Иные из них как бы напрашиваются уже сейчас. Они прежде всего касаются образа главной героини. Обрисовав ее как незаурядную общественную деятельницу, наделив женственностью и обаянием, автор, к сожалению, излишне драматизировал ее личную судьбу.

Очень уж близкой и симпатичной для читателя становится Мария Тэгрынэ — метательница гарпуна, поэтому и хочется ее видеть не только достойной большого личного счастья, но и добившейся его.

Олег ЗВЕРЕВ

Юрий РЫТХЭУ. Метательница гарпуна. Повесть. «Знамя», 1971 г., №№ 11, 12.

Галина Кулакова и Алевтина Олюнина.

Трехкратный олимпийский чемпион XI Белой олимпиады голландский скороход Ард Схенк.

Японцы с ликованием встретили победу своих замечательных прыгунов.

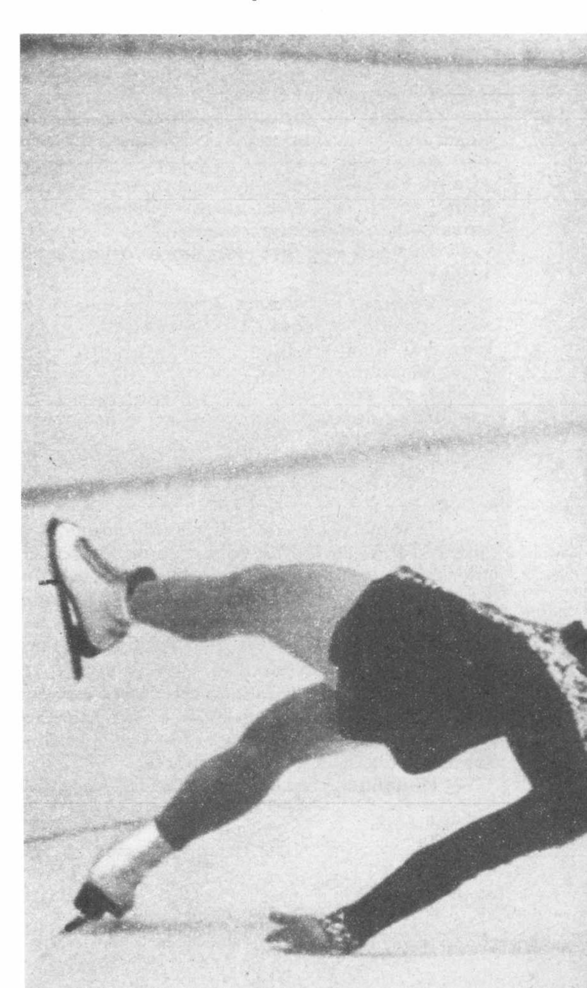
Быстрейшие скороходы. В центре: Э. Келлер (ФРГ), слева от него В. Муратов, справа — швед Х. Бёрьес.

«МЕНЮ» ВЕДЕНИНА

А. КУЛЕШОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

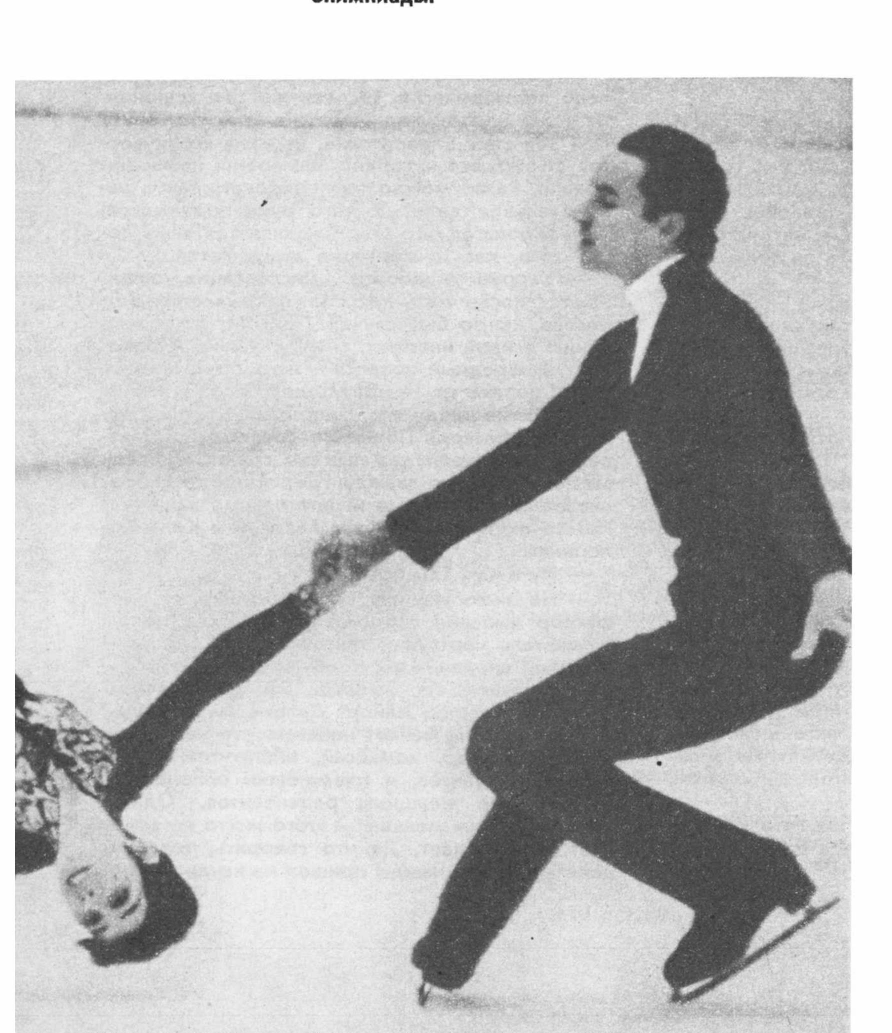
Фото ТАСС.

Ирина Роднина и Алексей Уланов завоевали олимпийское первенство.

Федор Симашев — серебряный призер Белой олимпиады.

Снежная олимпиада, словно горнолыжник, мчащийся по склонам горы Энива, приближается к финишу. Ее путь пролегал по стадионам и лыжным трамплинам, по ледяным аренам и горнолыжным трассам. Как никогда, компактно расположились все спортивные арены в Саппоро, но внимание всех журналистов и зрителей особо привлекала одна спортивная «точка» — лыжный стадион. Как известно, половина золотых медалей на олимпиаде приходится на лыжный спорт, и, как бы подчеркивая значение лыж в олимпийском «меню», именно с гонки на 30 километров и начались зимние Олимпийские игры.

Один за одним с интервалом в полминуты уходят на дистанцию гонщики, берет старт и Вячеслав Веденин, чемпион мира на этой дистанции, наша главная надежда. Почти все его соперники — гонщики Норвегии, Финляндии, Швеции, ГДР — вышли раньше Веденина, однако по воле жребия за ним с интервалом всего в одну минуту идет самый грозный его конкурент — норвежец Тилдум. Но Веденин невозмутим и с аптекарской точностью распределяет свои силы: после 10 километров он был седьмым, после 20 — уже первым, а его могучий финиш не оставил Тилдуму никаких шансов на золотую медаль.

Как раз в то время, когда Веденин финишировал, на гонки прибыл император Японии Хирохито и с интересом наблюдал за победой советского спортсмена из своей застекленной ложи. Мы едва успели обнять победителя и услышать его слова благодарности, обращенные к Павлу Колчину, нашему знаменитому лыжнику, который потратил немало сил на подготовку Веденина, как первого олимпийского чемпиона окружили врачи и увели.

— Будут проверять на допинг,— шепнул мне врач нашей команды.— Ничего не сделаешь, таково непреложное правило...

Конечно, никаких следов допинга у Веденина не нашли, но окружившие его журналисты стали требовать от него, чтобы он раскрыл им секреты своего меню, объяснил, что он ест и что пьет, а уже на следующее утро ресторанчик, расположенный напротив стадиона, вывесил широковещательные рекламные плакаты: «У нас вы можете заказать меню Веденина».

Но в «меню» Веденина входили не только фруктовые соки, но и сотни километров, пройденные им на тренировках, безошибочный расчет, по которому он прожил весь предолимпийский год. «Меню» Веденина включало огромную волю, веру в свои силы, опыт, накопленный за шесть лет борьбы на большой лыжне. И как вскоре могли убедиться все, на этом «меню» были основаны успехи не только Веденина, но и наших замечательных гонщиц Галины Кулаковой и Алевтины Олюниной, завоевавших золотую и серебряную медали в гонке на 10 километров, и великолепные усилия Федора Симашева, занявшего в гонке на 15 километров второе место. Думаю, что этим же «меню» пользовались не только наши спортсмены, но и трехкратный олимпийский чемпион голландский скороход Ард Схенк, блестящая тройка японских прыгунов и швейцарский дуэт горнолыжников, завоевавший золотые медали на скоростном спуске.

На крытом катке Макоманаи мирно уживались два полярных вида спорта — изящное фигурное катание и мужественный хоккей. В этом зале после изнурительной игры СССР — Швеция, оставившей в изнеможении не только хоккеистов, но и зрителей, я встретил заслуженного тренера СССР Станислава Жука.

— Что мы ждем от наших пар после обязательной программы?— спросил я тренера.

— Не сомневаюсь, что Сурайкин и Смирнова получат серебряные медали,— сказал мне Жук.

— А кто же получит золотые?— спросил я как можно простодушней.

Станислав Жук посмотрел на меня с таким недоумением, словно свой вопрос я задал по-японски.

— Никого больше об этом не спрашивайте,— шепотом посоветовал он мне.— Вас могут принять за марсианина.

Когда писались эти строки, мы еще не знали итогов парного катания, но выступление Родниной и Уланова уже в обязательной программе было действительно блистательным и вызвало у японских зрителей восторженные овации: ведь известна любовь японцев ко всему прекрасному.

В большом рабочем зале пресс-центра висят 35 пар часов, показывающих время в разных точках земного шара, а на столах стоят машинки с самыми разными шрифтами. Да, в Саппоро съехалось рекордное количество корреспондентов. В пресс-центре я встретил даже спецкора венской «Полицейской газеты», который совмещает свои журналистские занятия с тренировкой борцов. А вот и огромный журналист из ФРГ, его куртка сделана из материала, на котором отпечатаны многие его статьи. Из Южной Америки на Белую олимпиаду приехало всего лишь два спортсмена — аргентинские горнолыжники, но это не мешает бразильскому журналисту ежедневно передавать в свою редакцию около печатного листа.

С раннего утра до вечера кипят спортивные страсти, но к услугам олимпийцев приготовлена еще и обширнейшая культурная программа: спектакли театров «Кабуки», «Но», городского симфонического оркестра, филармонического оркестра из Мюнхена. Открыты выставки детского рисунка, современного японского эстампа, советского прикладного искусства. Особенно большим успехом пользуется выставка под названием «Все олимпийские игры». Здесь представлена история лыж, коньков, хоккея. На выставке можно увидеть лыжи, на которых добывали свои золотые медали многие прославленные олимпийские чемпионы. Ну что же, теперь этот музей пополнится еще одним драгоценным экспонатом — лыжами Вячеслава Веденина. Но, кроме них, мы бы предложили еще выставить и его «меню».

Саппоро, по телефону.

СИОНИЗМ — ЭТО ФАШИЗМ

В 1936 году меня как специалиста-металлурга командировали на работу в Германию. И мне пришлось стать свидетелем разгула фашизма во всей его ужасающей обнаженности. Я вспомнил об этом сейчас не случайно. События, происходящие в государстве Израиль, агрессивная империалистическая политика Тель-Авива и недавний так называемый сионистский конгресс в Иерусалиме напомнили мне черные дни в Германии с факельными манифестациями, книжными кострами на улицах и истерическими выкриками фюрера. История повторяется. В сущности, то, за что ратуют сегодня сионисты,— это тот же фашизм, второе, так сказать, его издание.

Гитлеровцы, пропагандируя чистоту арийской расы, разжигая национальные чувства немцев и играя на них, стремились к мировому господству. Сионисты превзошли фашистов тридцатых годов. Их идеи совпадают с устремлениями Рокфеллеров, Ротшильдов, Морганов... Вряд ли что-либо может перепасть от этих идей трудящимся евреям. Но чтоб усыпить их недоверие, и устраиваются из года в год сборища, вроде этого январского, в Иерусалиме. И вытаскиваются тогда на божий свет такие ширмы, как провокационный «вопрос» о положении, допустим, евреев в Советском Союзе, вызванный якобы тем, что им там слишком плохо живется. Меня до глубины души возмущает эта нагло сфабрикованная антисоветчина.

Чтобы не быть голословным, расскажу о себе. Да, мне плохо жилось. Даже очень плохо, хуже не бывает, когда в 1912 году умерла наша мать. А нас, детей, осталось шестеро, один меньше другого. Отец был часовым мастером в Самаре и свалился с ног, пытаясь нас прокормить и одеть. Мы оказались на улице, беспризорничали, бродяжничали. А ведь в городе жили некоторые евреи очень богато, но они почему-то не заботились о нас. Может быть, кое-кто забыл на Западе, что происходило все это при царизме? Напомню им, что Октябрьская революция свершилась в 1917 году. Вот тогда-то и началась для нас, сирот, иная жизнь. Ее принесла нам Советская власть, которая очень не нравится сионистам. Я попал сначала в детский приемник, а потом в детский дом и со мной вместе моя сестренка. Через четыре года поступил работать на завод. Тут меня приняли в комсомол. Комсомол направил меня на рабфак, а моя партия, Коммунистическая партия Советского Союза,— в вуз. Скоро сорок четыре года, как я коммунист!

Я воевал, как и все, несколько лет. Сначала рядовым, потом командиром. Был в противотанковой группе под Москвой, а кончил помощником командира зенитно-артиллерийской дивизии. Я знал, за что воевал,— за Советскую власть, которая дала мне, нищему, все: образование, положение в обществе, материальное обеспечение.

В Тель-Авиве вопят: «Евреев в Советском Союзе притесняют, не пускают за границу...» Если б меня сейчас попросили назвать страны, в которых я бывал, и количество докладов, которые я сделал на международных конференциях и симпозиумах по поручению ООН, СЭВа и научных организаций, то я затруднился бы их перечислить. Последний раз в качестве руководителя делегации ездил в ФРГ. Встречался с техническим руководителем фирмы «Маннесман» доктором Петерсоном. Доктор Петерсон нанес ответный визит, и я показывал гостю Липецкий завод и установку непрерывной разливки стали, созданную по идее коллектива лаборатории, которой я руковожу. В Японии я хорошо познакомился с учеными фирмы «Кобастил». Поддерживаю тесный контакт с доктором Б. Тарманном из Австрии. Мне даже пришлось завести на письменном столе ящик, вроде каталога, в котором хранятся визитные карточки моих зарубежных коллег. К Новому году от них пришла кипа поздравлений.

На фоне всего этого не наивной ли фальшивкой для простачков выглядит миф об ущемленности людей еврейской нации в Советском Союзе? К счастью, это начинают понимать и простые граждане государства Израиль. Демонстрация, прошедшая у стен здания «Беньянеи Хаоома», где заседал сионистский «конгресс», столкновение демонстрантов с полицией говорят о нарастающих силах, способных противостоять политике Тель-Авива. Голос протеста должны поднять все здравомыслящие евреи. Думаю, что и мои зарубежные коллеги придерживаются того же мнения.

Профессор, доктор технических наук, дважды лауреат Государственной премии СССР
В. С. РУТЕС

Марк **ВИЛЕНСКИЙ**

ДРУГ НАУЧНОГО ПРОГРЕССА

— Где работаете?

— Пока нигде.

— Ваше «пока» тянется третий год.

— Не считал, товарищ начальник.

— Придется отдать вас под суд как тунеядца. Кто не работает, тот не ест. Слыхали?

— Я исключение из правила, товарищ майор. Я ем — и весьма калорийно и витаминозно.

— Вижу, вижу. Не соизволите ли только пояснить, чем вы кормитесь?

— Прогрессом науки, товарищ начальник. Одним им единым. Пасусь, так сказать, под древом познания и трескаю упавшие желуди.

— Яблоки, вы хотите сказать.

— В основном шашлыки и котлеты по-киевски, если уж быть точным.

— За что же вас так потчуют? И кто, если не секрет?

— Новоиспеченные кандидаты наук.

— Какие же услуги вы оказываете мужам науки?

— Никаких. Просто прихожу на банкет, сажусь вместе с гостями и ем что дают.

— Кто вас приглашает на банкет?

— Вечерняя газета. Там каждый день печатают объявления: такого-то, там-то и там-то состоится защита диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Ну, приходишь на защиту, повертишься и шепотком у соседа: «Где?» — и подмигнешь, а он тебе шепотком: «В «Метрополе»,— и тоже подмигнет. Ну, и сидишь, слушаешь защиту и глотаешь слюнки, как все.

— Любопытно... А бывает так, что соискатель проваливается на защите, а банкет отменяется?

— Невозможно, товарищ начальник. Исключено категорически. Ну, как же так: оппоненты тоже живые люди, они же знают, что целый зал снят в ресторане, стол на сто кувертов стынет, все напарено, нажарено, нафаршировано. Разве можно торпедировать такое замечательное дело? У кого рука поднимется!

— Я полагал, что стол накрывается лишь после того, как диссертация защищается...

— Скорее наоборот. Диссертация защищается после того, как стол накрывается. Вот, помню, как-то был случай. Прихожу по объявлению в один институт, сижу, слушаю. А оппонент зловредный попался — и говорит, и говорит, и цепляется. Чувствую, дело плохо, кажется, впервые пойду спать натощак. Пишу записку: «Профессор! Поимейте совесть. В «Центральном» второй раз лангеты греют, неужели вы не читали, что дважды гретый продукт утрачивает свои вкусовые и питательные качества? Нежно любящие вас Галя Галилей и Коля Коперник».

— Ну и как? Помогло?

— Не знаю уж, что тут сработало, но профессор выпалил скороговоркой: «А в целом соискатель чертовски талантлив, его работа — весомый вклад»,— и с трибуны долой.

— Неужели вас никогда не разоблачали?

— Ах, товарищ майор! Далеки вы от науки, ох, далеки... На банкет набегает сто человек с разных кафедр, комиссий, институтов. Тут и тети диссертантов, и племянники оппонентов, и любимые женщины рецензентов. Одним больше, одним меньше — этого никто не замечает и не ведает. Да что говорить, товарищ начальник! Я однажды пришел на кандидатский

В БЛАГОДЕТЕЛЯХ НЕ НУЖДАЕМСЯ

Читаешь в газетах, слушаешь по радио про грязную возню международного сионизма и диву даешься: до чего докатились руководители так называемой Всемирной сионистской организации в своих антикоммунистических реакционных происках! Всемирный конгресс сионистов вытащил на повестку дня проблему «советских евреев». Зачем? Только для того, чтобы отравить международную обстановку. Все это вызывает чувство омерзения. Я еврей по национальности, но не знаю о существовании в моей стране еврейской или какой-либо другой национальной проблемы. В годы минувшей войны, когда над нашей страной нависла смертельная опасность, весь народ моей Родины поднялся на борьбу с фашизмом. Моя военная профессия — летчик. И я помню, как крыло к крылу со своими братьями — русскими, украинцами, белорусами, грузинами — мы вели бои с гитлеровцами. Хочу еще и еще раз подчеркнуть: сионисты — это прислужники американского империализма. Отечество советских граждан еврейской национальности — это СССР. Они не нуждаются в фашистских благодетелях!

Евель БЕЛЯВИН, мастер минского завода «Эталон», Герой Советского Союза

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

День, когда я приобрел диктофон, мне запомнился не тем, что аппарат облегчил работу — проще стало вести беседу, записывать, можно и репортаж надиктовать... А запомнился этот день потому, что с него началось изучение адресов радиомагазинов. Теперь, как выдастся свободный час, куда-нибудь еду. Или звоню: «Нет ли элемента «316»?»

— Ишь чего захотели! Даже плоских-то батареек — для карманных фонариков — нет...

Извинившись, вешаю трубку: на нет, как говорится, и суда нет...

А между тем диктофон без батареек молчит. Не только молчит, но и не «слушает»...

И вдруг — есть! Казалось бы, покупай больше! Но только не в нашем варианте. Тут в запас не купишь: и без того «квелые», эти батареи под индексом «316» не могут, что называется, «обслужить» хотя бы одну сторону кассеты. А уж долго лежать совсем не могут: через месяц-полтора их смело можно выбрасывать.

Что же случилось? Почему нет в магазинах элементов «316»?

— Если бы только триста шестнадцатых, — сетуют в Главном управлении торговли Мосгорисполкома.

— Заказывайте больше! — советую я.

— Заказываем, не дают...

Мне показывают папку с перепиской, путешествующей по маршруту: промышленность — торговля. Вот строки из этих деловых бумаг без всяких комментариев: «В течение прошлого года не удовлетворялся спрос на батарею «ФМЦ-32», элементы «316» и особенно «343». Случались перебои в торговле батареями «Крона», «КБС» и «Марс». На 1972 год план поставки элементов «343» резко сокращается».

Как же быть? В стране выпускаются тысячи транзисторных приемников, магнитофонов и диктофонов, но без батареек-то они бессмысленны. Они молчат. И это не то молчание, которое — золото.

А ведь просто-напросто батарейка, элементарнейшая вещь! Не правда ли, уважаемые товарищи из Министерства электротехнической промышленности?

К. КОСТИН

пир обросший медной каторжной щетиной и мятый, как носовой платок сироты. Что-то лень было красоту наводить. Да еще в руке держал саквояж с небольшую бочку. Казалось бы, появление такой живописной личности должно было вызвать нездоровую сенсацию. Ничего подобного. Один только профессорского вида старичок, сосед по столу, вежливо осведомился, откуда я. Я ответил: «Лаборант-зоотехник, развожу крыс для экспериментов диссертанта». Старичок закивал: «Понятно, понятно». И все. А что ему понятно, если тема диссертации, которую мы обмывали, между прочим, была «Роль междометий типа «Фу-ты, ну-ты». Выходит, старичок-то, товарищ майор, тоже был из наших? А?

— Вы, кажется, упомянули какой-то саквояж?

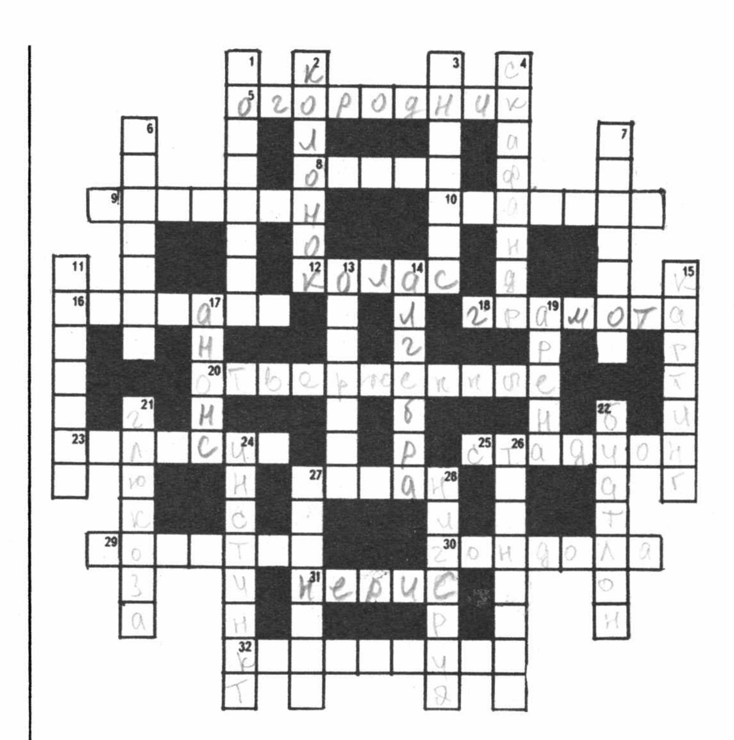
— О, изумительная вещь, доложу я вам, помесь портфеля с баулом моей бабушки. Емкость невероятная. Я в нем под слоем газет ношу кастрюли — нужно ведь запастись завтраком и обедом до следующего вечера.

— Понятно. Ну, а почему вы облюбовали только защиты диссертаций? С таким же успехом можно ходить на свадьбы, юбилеи...

— На свадьбы? Скажете, товарищ майор... На свадьбе теща и свекровь не только что гостей считают — у них каждая отбивная на спецучете! Попробуй сгреби при них винегрет в кастрюлю — пригвоздят при попытке к бегству. А здесь народ интеллигентный, широко мыслящий.

— И не стыдно вам вот так кормиться на дармовщинку за счет прогресса науки?

— Да разве я один, товарищ начальник...

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Стихотворение Н. А. Некрасова. 8. Горная порода, богатая кремнеземом. 9. Советский биолог. 10. Вещество, применяемое в лабораторных исследованиях. 12. Народный поэт Белоруссии. 16. Виртуозная музыкальная пьеса. 18. Награда. 20. Роман В. Гюго. 23. Шведский астроном и физик. 25. Спортивное сооружение. 27. Тропическое растение. 29. Армянский композитор. 30. Венецианская лодка. 31. Латышская писательница. 32. Персонаж итальянской комедии масок.

По вертикали: 1. Плотная ткань. 2. Пушной зверек. 3. Звезда в созвездии Скорпиона. 4. Костюм космонавта. 6. Медицинское учреждение. 7. Сатирический отдел в журнале «Современник». 11. Часть колеса. 13. Духовой инструмент. 14. Отдел математики. 15. Гонки на автомобилях малых размеров. 17. Объявление о предстоящем спектакле, концерте. 19. Площадка для цирковых представлений. 21. Виноградный сахар. 22. Современное зимнее двоеборье. 24. Врожденная форма поведения животного. 26. Остров в Атлантическом океане. 27. Угломерный прибор. 28. Государство в Африке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 4. Туполев. 7. Гагра. 8. «Егерь». 10. Тунис. 12. Марля. 13. Серна. 15. Плацкарта. 19. Юпитер. 20. Офсет. 21. Портал. 22. Сепаратор. 26. Онега. 28. Бунин. 29. Сабза. 30. Котка. 31. Мотив. 32. Реторта.

По вертикали: 1. Угольник. 2. Зубатка. 3. Семестр. 5. «Баня». 6. Ярус. 9. Гронинген. 11. «Крестьянка». 12. Монюшко. 14. Аполлон. 15. Пурус. 16. Цифра. 17. Анета. 18. Ампер. 23. Писарев. 24. Рубероид. 25. Туамоту. 27. Анод. 28. Бриг.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Галина Долгина, Анна Галанова и Антонина Степина, работницы Серпуховского завода химического волокна (см. в номере репортаж «Нити дружбы»).

Фото Э. Эттингера.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. Александровский сад.

Фото Г. Костенко.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/I-72 г. А 00619. Подп. к печ. 8/II-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 442. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2429.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Зита и ее друзья

Фото Д. УХТОМСКОГО

Голубая мартышка Зита (так зовут нашу героиню) — коренная москвичка, хотя и родилась во Вьетнаме. Совсем еще крошкой привез ее первый хозяин в Москву в подарок своей жене. Но дружбы у них не получилось: не сошлись характерами. Озорной нрав, ребяческие проказы Зиты пришлись не по душе ее хозяйке. И когда количество порванных штор, которые непоседливая мартышка использовала в качестве качелей, разбитой посуды, поломанной и изгрызенной мебели переполнило чашу терпения, было решено избавиться от беспокойной обитательницы любой ценой. Задача эта оказалась не из легких.

Целый день возили Зиту к разным людям, но каждая из новых встреч заканчивалась расставанием: никто не хотел принимать такой беспокойный подарочек, каким была в то время Зита.

Наконец, к вечеру произошла встреча, решившая дальнейшую судьбу нашей героини. Машина остановилась у подъезда дома неподалеку от Комсомольской площади. Зита по привычке заняла агрессивно-оборонительную позицию, но вдруг дверца машины отворилась и добродушный, улыбающийся человек поманил ее к себе. Улыбка обезоружила Зиту, и она покорно пошла в ласковые руки незнакомого ей человека.

Им оказался артист Москонцерта В. Л. Мельников. Но как только мартышка освоилась в квартире новых хозяев, она принялась за старое. В кухне стояли какие-то пузырьки, которые она решила опустошить. Эта проказа чуть не стоила жизни озорной мартышке. В пузырьках оказались лаки, канцелярский клей и клей «БФ», который склеивает не только различные материалы, но и внутренности. Три часа была она без сознания. Усилия врачей-ветеринаров оказались тщетными. Тогда отчаявшаяся хозяйка дома Людмила Федоровна позвонила в клинику прославленного Московского института имени Склифосовского. В числе спасителей Зиты был даже один профессор. Три дня боролись врачи за ее жизнь, и они победили.

Зита подружилась не только с Людмилой Федоровной, Виктором Алексеевичем и их сыном Виталием, но и с другими обитателями этого гостеприимного дома. И в первую очередь с Чипом. Чип — чистокровный японский хин. Есть у Зиты еще трое друзей: мартышка Жени и два говорящих попугая — Жужу и Кузя. Правда, Кузя во всеуслышание утверждает, что он Яков, и ни за что не признает своего первоначального имени. С попугаями Зита часто ссорится из-за того, что они такие болтуны и спорщики. Жужу часто произносит свою не очень вежливую традиционную фразу: «Кузя, тише, черт, молчи».

И надо, наверное, очень любить животных, обладать добрым и отзывчивым сердцем, чтобы поддерживать мир в такой разношерстной семье. Супруги Мельниковы обладают этим даром, и животные слушаются своих добрых хозяев беспрекословно. А года три назад Виктор Алексеевич и Людмила Федоровна взяли Зиту себе в номер и успешно выступают с ней и перед большими и перед маленькими зрителями. Вот так сложилась судьба голубой вьетнамской мартышки в Москве.

В. МОРОЗОВА

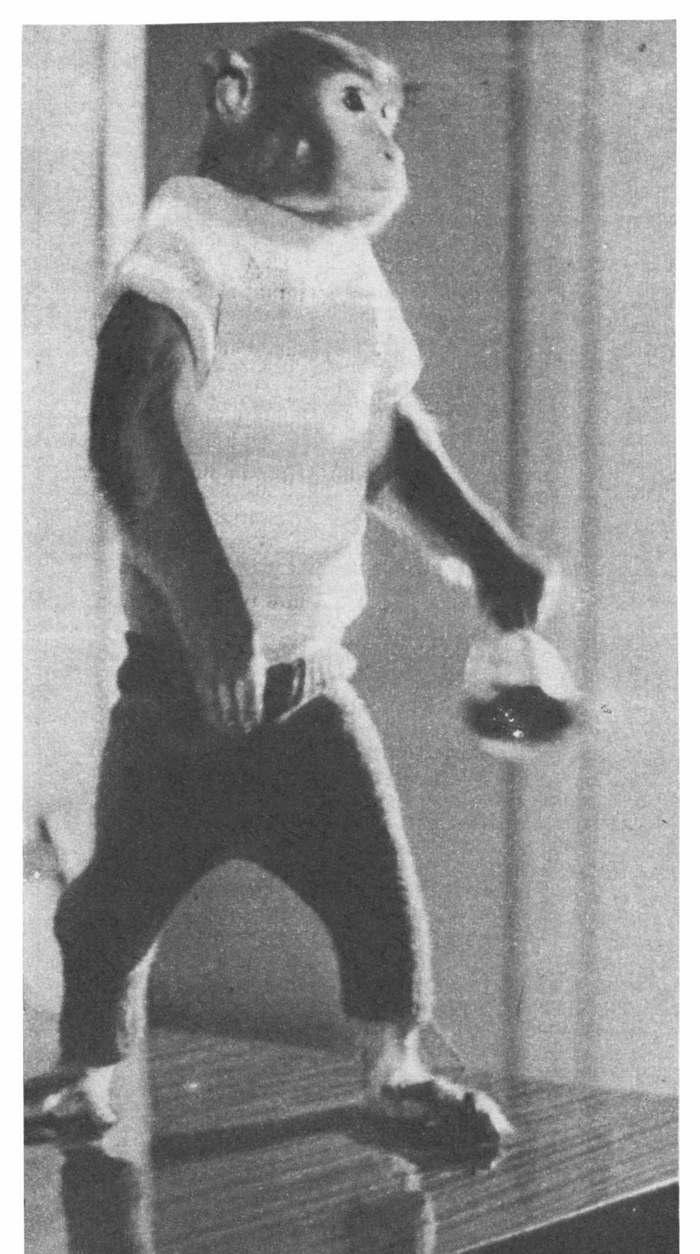

В семейном кругу.

Чистота — залог здоровья.

Пора всех созывать к столу.

Давненько я не брала в руки шахмат...

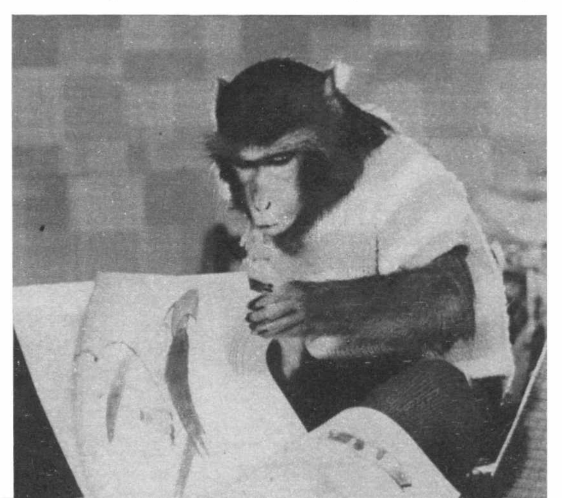

Умение пользоваться ложкой присуще не только человеку.

На сон грядущий.

Хорошая книга доступна каждому.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.